

ПИТЕР ХЁГ
КИМ ЛЯЙНЕ
ШАРЛОТТА ВАЙЦЕ
ДОРТА НОРС
ХЕЛЛЕ ХЕЛЛЕ
ЙЕНС БЛЕНДСТРУП

И ДРУГИЕ ДАТСКИЕ ПИСАТЕЛИ

о счастье, мраке
и чувстве снега

18+

ТЕМНАЯ СТОРОНА
ХЮГГЕ

Современная датская проза

Питер Хёг

Темная сторона Хюгге

«Издательство АСТ»

УДК 821.113.4-82
ББК 84(4Дан)я43

Хёг П.

Темная сторона Хюгге / П. Хёг — «Издательство АСТ»,
— (Современная датская проза)

ISBN 978-5-17-122686-2

Единственная изданная в России антология современной датской прозы позволит вам убедиться, насколько высок уровень этой литературы, и прочувствовать, что такое истинно нордический стиль. Что же объединяет все эти – такие разные – тексты? С пронизательностью и любовью к деталям, с экзистенциальной тревогой и вниманием к психологии, с тонким вкусом к мистике и приверженностью к жесткому натурализму, со всей самоиронией и летучей нежностью к миру 23 датских писателя свидетельствуют о любви, иллюзиях, утраченном прошлом, тяге к свету и саморазрушению, о балансировании на грани воды и воздуха, воды и кромки льда. И, конечно, о счастье и чувстве снега.

УДК 821.113.4-82

ББК 84(4Дан)я43

ISBN 978-5-17-122686-2

© Хёг П.

© Издательство АСТ

Содержание

От составителя	6
Ким Ляйне	8
Край	9
Шторм	13
Хелле Хелле	19
Два километра	20
Однажды весной	23
Йенс Блендstrup	27
Тяжесть	28
На середине пути	32
Дорга Норс	35
Застрели мою собаку	36
Чувство полета	38
Питер Хег	41
Твоими глазами	42
Часть первая	42
Найя Мария Айдт	52
Огромных деревьев зеленая мгла	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Темная сторона Хюгге

Издательство благодарит руководителя проекта и старшего консультанта Тину Розен за работу над изданием книги, фонды «The Folmer & Helle Wisti Foundation for International Understanding» и «Danish Arts Foundation» за реализацию проекта.

Издательство благодарит литературного редактора-стилиста Ингу Кузнецову за работу над изданием книги.

Сборник состоит из рассказов датских авторов: Peter Høeg, Kim Leine, Charlotte Weitze, Dorthe Nors, Helle Helle, Jens Blendstrup, Naja Marie Aidt, Lars Frost, Kirsten Hammann, Robert Zola Christensen, Ide Jessen, Jakob Vedelsby, Katrine Marie Guldager, Kristian Himmelstrup, Peter Højrup, Adda Djørup, Ib Michael, Karoline Minor, Søren Ulrik Thomsen, Pryds Helle, Jacob Skyggebjerg, Sidsel Falsig Pedersen, Nikolaj Zeuthen

От составителя

Задумывая эту антологию, мы хотели познакомить русскоязычных читателей с рядом известных современных датских писателей и надеялись, что этот проект внесет свою лепту в развитие взаимоотношений наших стран в области литературы и культуры в целом. Сегодня в Дании существует большой интерес к русской литературе, в том числе современной, и мы предполагали, в свою очередь, что яркая антология повысит интерес и русских читателей к современной датской литературе, пока не очень хорошо знакомой им. В сборник вошли как тексты авторов, уже переводившихся на русский язык ранее (Питер Хег, Шарлотта Вайце, Якоб Ведельсбю, Ида Йессен и др.), так и произведения писателей, ранее в России не издававшихся.

В книге представлены двадцать три автора, пишущих на разные темы и в различной стилистике, однако в их текстах угадывается общий лейтмотив – столкновение между действительностью и иллюзиями и мечтами о действительности, которые возникают у отдельно взятого персонажа. Возможно, и русский читатель сразу заметит это, если в его представлении Дания до сих пор была связана в основном с благополучным понятием «хюгге» и ассоциировалась прежде всего с топовым списком стран, население которых счастливо и довольно жизнью. Уже само название антологии свидетельствует о том, что Дания предстанет в ней в несколько ином облике.

Если судить по произведениям двадцати трех лучших датских писателей, то эту, казалось бы, счастливую и благополучную страну населяют семьи, в которых царит разлад, и одиночки, измученные жизнью (в названии романа Кирстен Хамманн «Жизнь в шоколаде», фрагмент из которого вошел в антологию, можно отчетливо услышать иронию). Разумеется, жизнь в Дании не настолько беспросветна в общем и целом, а писатели уделяют внимание этим сюжетам в первую очередь по той причине, что литература – это сфера радикальных истин. Именно литература дает возможность наблюдать и анализировать реальность без каких-либо фильтров; обманутые ожидания и утраченные иллюзии в ней можно исследовать детально и глубоко. Счастливая семейная жизнь предстает в текстах сборника невоплотимой мечтой, словно сошедшей с сусальных открыток, в то время как в центре оказывается обратная, «темная» сторона этой жизни – полная скуки, забот и так мало общего имеющая с «хюгге»; именно она и становится в отобранных нами текстах предметом искусства. Это немного сродни знаменитому утверждению из «Анны Каренины» о том, что все счастливые семьи счастливы одинаково, тогда как несчастливые...

Хотя счастье на страницах антологии все же присутствует, просто не в виде девиза или лозунга, а как некий идеал, к которому продолжают стремиться разочаровавшиеся герои. Это счастье неожиданно может предстать совсем не таким, каким они его представляли. Вместо гармонии в нем бушуют противоречия: персонажи страдают от одиночества, но при этом их манит к себе свобода; им ненавистны обязательства, однако они неустанно пытаются обрести себя в кругу близких и в «большом социуме»; им кажется, что они чувствуют себя запертыми в подобии клетки, но при этом испытывают внутреннюю потребность в самозащите из крепких прутьев; они удовлетворяют свое плотское вожеление, но жажда любви остается неутоленной. Авторам сборника важно показать читателю, как незначительное и простое иногда становится для человека подлинной трагедией, а жестокость и несчастья, каким бы невероятным это ни казалось, вытесняются сознанием, и зачастую и принимаются как нечто вполне естественное. Важно напомнить, что человек иногда обретает подобие счастья, объединяясь с другими людьми, пусть даже случайно и ненадолго.

Может показаться, что во всех произведениях, вошедших в антологию, речь идет исключительно о серьезных философских проблемах, и так оно и есть в том смысле, что задаваться вопросом о смысле нашей жизни, жизни людей в начале третьего тысячелетия, не шуточ-

ное дело. Однако текстам присуща и летучесть, и тонкая ирония – особенно иронично описаны самовлюбленные, эгоистичные персонажи, убежденные в собственной непогрешимости; в стиле возникают гротескные искажения и изломы, и это характерно для современной датской прозы и созвучно многим людям, обостренно воспринимающим жизнь.

Предубеждения, недостаток информации и привычка к спешке порой мешают нам в полной мере понять друг друга, таких разных. И здесь на помощь приходит художественная литература: лучшие образцы ее (а такие – в «нордическом» варианте – и вошли в данную антологию) могут открыть читателю глаза на нечто, отличное от него самого, обогатить его мировоззрение новыми деталями и нюансами, пригласить его в мир других людей, позволить ощутить и понять его. Однако при этом подлинную литературу чрезвычайно трудно перевести на другой язык, поскольку переданы должны быть не только сюжет и характеры персонажей, но и, насколько это возможно, сама художественная сущность произведения, его интонация и настроение. Процесс перевода осуществляется в жестких рамках, заданных как лингвистическими, так и культурными различиями, существующими между языком оригинала и языком перевода, и это всегда интерпретация.

Над книгой совместно работали русский переводчик с датского и датский редактор с опытом перевода с русского на датский. Нашей целью было, трактуя оригинал, сохранить максимально полно его художественный потенциал. Мы надеемся, что нам это удалось и что, подобно тому, как был преодолен языковой барьер, будут преодолены и другие препятствия на пути к более полному взаимному пониманию читателей и писателей, живущих в России и Дании.

Тина Розен

Ким Ляйне

Ким Ляйне, автор семи изданных романов и книги для детей, родился в 1961 году в Норвегии. Родителями воспитывался в духе и традициях Свидетелей Иеговы. В шестнадцатилетнем возрасте переехал в Копенгаген, получил среднее специальное медицинское образование. Пятнадцать лет прожил в Гренландии, где разворачивается действие нескольких его произведений. В 2004 году вернулся в Копенгаген и опубликовал свой первый роман, написанный как автобиографический. За роман «Пророки фьорда Вечности», переведенный на большинство европейских языков, Ким Ляйне получил Литературную премию Северного совета. «Я читаю с двенадцати лет. Именно тогда ко мне пришло понимание того, что: 1) действительность и представления о ней – это две совершенно несовместимые величины и 2) жизнь требует от человека настолько противоречивых вещей, что невозможно выжить, не ища утешения в пункте первом. А еще можно укрыться за книгой». В антологии представлены две главы из романа Кима Ляйне «Туцу» (2009), которые вы можете прочесть как самостоятельные и самодостаточные рассказы.

Край

Гедеон сидит в каяке, прижав приклад винтовки к плечу. Он спускает курок, чувствует сильную отдачу, смягчает ее, отклонившись назад, но отклоняется слишком сильно и думает, что напрасно так сделал. Эхо выстрела мечется между каменистыми островками, с громким треском отскакивая от скал. Он видит маленький вертикальный фонтанчик крови, бьющий из головы тюленя в тридцати метрах впереди, видит, как зверь, ставший в каком-то смысле зеркальным отражением себя самого, начинает поворачиваться, таща за собой прозрачный шлейф светло-розовой крови, бьющей из раны. Десятые доли секунды, которые у него остаются на то, чтобы удержать равновесие и не свалиться в воду, он тратит, цепляясь за ружье, хотя прекрасно осознает, что нужно его бросить, пусть идет ко дну, – надо хвататься за весло, лежащее перед ним поперек лодки. Ладно бы еще была дорогая винтовка, а то ведь старенький «Карл Густав», весь ржавый, его заклинивает, пружина в магазине износилась, так что приходится досылать каждый раз по одному патрону. Он уже давно хочет купить себе новую винтовку, да так пока и не собрался. И теперь цепляется за старую, какое-то время размахивая ею в воздухе, пытаясь сохранить равновесие, но уже видит, как опрокидывается линия горизонта, и понимает, что момент упущен.

Уже шел снег, когда несколько часов назад он отделился от остальных и отправился своей дорогой. Они хотели двигаться дальше на север, в надежде выследить медведя, ему же больше хотелось посидеть в одиночестве у края льда и насладиться тишиной. Его дом битком набит женщинами и их отпрысками, среди которых семеро его собственных. К тому же старшая дочь на последнем сроке, вот-вот разродится. Ольга, его жена, была очень рассержена, когда он уходил из дома сегодня утром.

– Тебе наплевать, что ты станешь дедом, – сказала она.

– Нет, мне не наплевать, – запротестовал он. – Почему ты говоришь, что мне наплевать?

– Через несколько часов, может быть, начнутся роды, – сказала Ольга, – и ты очень пригодился бы мне в доме. Но тут ты как раз намылился куда-то со своими собаками.

Он провел рукой по ее бедру и ягодице. «Я скоро вернусь».

Она лежала к нему спиной, отвернувшись лицом к стене. Он слегка потянул ее за плечо, она оттолкнула его, тогда он нежно прикоснулся к ее груди, но она не отозвалась на ласку.

– Так и будешь лежать, даже не поцелуешь меня на дорожку? – спросил он.

Она не ответила. Хуже всего было то, что она лежала с открытыми глазами и смотрела в стену, он видел это. Она даже не попыталась сделать вид, что спит.

– Я вернусь и принесу мяса, – сказал он, легонько сжав сосок большим и указательным пальцами. Но она оттолкнула его руку и укрылась одеялом с головой. Тогда он встал, вышел на улицу, запряг собачью упряжку и поехал на север.

Первый раз он переспал с Ольгой – когда же это было, в 1988-м? Дело было в августе, он помнит, еще был праздник в местном клубе, поселок отмечал победу девчонок-футболисток, вернувшихся из города с кубком. Впервые в истории они его завоевали. Гедеону было восемнадцать, Ольге пятнадцать, она была лучшим нападающим, юная девчонка с крепкими бедрами и длинной черной косой. Они танцевали польку, кружились в танце, поддразнивали друг дружку, хватка становилась все более цепкой, они отстукивали каблуками по полу, потом танцевали, прильнув друг к другу. Он смотрел ей в глаза, ответный взгляд был нежным и ласковым. Гедеон прижался лицом к твердой, как камень, косе и вдыхал запах мыла и дыма. Он спросил: «Хочешь покажу тебе кое-что?» И повел ее на южный край поселка, мимо рыбообрабатывающей фабрики с расставленными сушилками для рыбы, где, отливая золотом, висела треска: тысячи разрезанных вдоль хребта рыб, ряды которых тянулись вверх

по склону, где росли крупные черные ягоды бузины. Они наелись ягод, потом нашли место, где мох был сухим, и легли на него.

Гедеон провел большую часть детства на стоянках, такую стоянку от ближайшего поселка отделяли сотни километров. Его отец был промысловиком, он брал с собой жену, детей и собак и отправлялся с ними на лодке к далекому южному фьорду, на берегах которого не встретишь ни души. Там они зимовали в торфяной избушке, питаясь рыбой, мясом тюленей и продуктами, которые выменивали в лавке на часть добычи. Их было пятеро детей в семье. Еще один ребенок родился, но вскоре умер. Это была девочка, и родители сказали Гедеону, что детям можно посмотреть на нее перед тем, как тельце предадут земле и поставят сверху камень. Они должны были пообещать, что никогда никому об этом не расскажут. Возвращаясь в город, отец с матерью сильно пили, наверстывая упущенное за многие месяцы пребывания в безлюдных краях. Не обходилось без скандалов и драк. Когда Гедеону было двенадцать, отца обвинили по статье «применение насилия» и увезли в Нуук отбывать наказание. Больше Гедеон его не видел. Став взрослым, он пытался отыскать какие-то из их стоянок, проплыл в старых рассохшихся лодках сотни километров вдоль побережья в обе стороны, прочесывал бесконечные фьорды, но тщетно. Мать не могла сказать точно, где именно они зимовали. Гедеону пришлось смириться с тем, что детства больше нет.

Он был рядом, когда Ольга родила их первенца. Девочка буквально выскочила в жизнь ножками вперед. Внизу, в комнате, рядом сидели женщины и пили кофе. Услышав, как именно ребенок появился на свет, они рассмеялись. Еще одна футболистка! Дело было в разгар зимы, мела метель, на кухне в стоявшей на плите кастрюле суп промерз до самого дна. Акушерка завернула малышку в полотенца и пледы. Гедеон держал ее на руках, пока перерезали пуповину. «Назовем тебя Эльза», – прошептал он на ухо девочке. Его маму звали Эльза. Она умерла за несколько месяцев до этого.

В последующие годы дети рождались своим чередом, каждый следующий вызывал все меньше переполоха. Но когда начинались роды, женщины всегда оказывались тут как тут и смеялись, прихлебывая кофе. Было не так просто дать имена всем этим детям, поскольку имя не дают просто так, с бухты-барухты; оно достается по наследству от кого-то, кто умер и чьи качества хотелось бы передать следующим поколениям. Гедеон пробовал заговорить с Ольгой о том, не лучше ли будет ее стерилизовать. Почему бы тогда не проделать это с ним самим, предложила она, но Гедеону эта мысль не понравилась. К тому же, что ни говори, такие вещи больше принято делать с женщинами. Прошло уже два года с тех пор, как Ольга родила предыдущего ребенка, и теперь она снова заводила разговор об еще одном. «Жизнь переворачивается с ног на голову, – думает Гедеон, – когда в семье детям меньше лет, чем внукам». Но Ольга прямо вся расцветает во время беременности. Гедеон живет в вечном страхе и выводит ее из себя, беспрестанно расспрашивая о месячных. Разве не вчера был срок? Он предлагает ей начать принимать противозачаточные, но она не хочет. Она явно завидует беременности дочери, соблазняет его заняться любовью в те дни, когда это чревато последствиями, а она чертовски хороша в том, что касается соблазна, ласкает рукой и ртом, она бесстыдная искусительница, и он не в силах ей противостоять.

Он несколько раз изменял ей. Ни разу это не было с его стороны всерьез, но он знает, что не всегда вел себя безупречно. Гедеон признается в этом самому себе теперь, погружаясь в черноту воды, которая уже сдавила кольцом его правую руку и плечи. Ольга всегда узнавала об этом, в маленьком поселке ничего не утаишь, но предпочитала делать вид, как будто ничего не произошло, только немного жестче становился ее взгляд, она строже вела себя с детьми. Бывало, что они подолгу жили хорошо. Он добывал достаточное количество тюленей, она занималась шкурами, варила мясо, он ловил рыбу, она потрошила ее, разрезала вдоль хребта и развешивала вялиться возле дома. Их дом всегда был хлебосольным, гости едва ли не каждый день приходят и садятся на полу в кухне, и перед ними раскладывают еду. Дети благополучно

выросли, зятя-невестки пошли, одна из сестер переехала к ним со своими детьми. В каждой комнате в его доме полно детей, они лежат вповалку друг на друге, многие из них уже всю жизнь занимаются сексом и не скрывают этого.

И вот этим февральским утром он отправился на охоту. Пройдя какое-то расстояние по льду, нагнал колонну из пяти упряжек и присоединился к ней. Они поднялись к вершине глетчера, пересекли его и спустились по противоположной его стороне, продолжив путь на север. Затем он отвернул в сторону и поехал к краю льда. Корнелиус, старший из зверобоев, сказал, что, возможно, он подъедет позже и составит ему компанию. К тому моменту, когда Гедеон достиг крайних островов, снегопад усилился. В падающем снеге была какая-то умиротворяющая тишина и ощущение близости ко всему в мире. Он сел на краю льда и стал следить за поверхностью воды, а снег сыпал на его бейсболку и плечи. Он не стряхивал его. Когда тюлень всплыл на поверхность в паре сотен метров, Гедеона уже запорошило снегом. Он сел в каяк и тихонько заскользил по воде, с винтовкой на шее.

Что Гедеону помнится в этот момент, когда его голова все еще находится на поверхности, но вода уже достигла подбородка, а пальцы так и не разжались и не выпустили винтовку, так это снег, который больше не падает отвесно вниз, а идет под каким-то яростным, косым углом. Скачок температуры вниз или вверх, какое-то необъяснимое метеорологическое короткое замыкание в этих краях вызвало движение резко ускорившихся воздушных масс, устремившихся сюда с гор. Ударная волна, вызванная этой локальной бурей, прошла по прибрежной воде и достигла Гедеона как раз в ту секунду, когда он ощутил толчок в плечо, отдачу при выстреле. Секунду его не покидало обманчивое чувство всеобщего баланса, и в эту половинку секунды, когда он был счастлив и утратил бдительность, зная, что смертоносная пуля попала в тюленя, две силы объединились и смахнули его за борт, бросив барахтаться в воде. Только теперь он выпускает винтовку и чувствует укол грусти, видя, как она выскользывает из рук и идет ко дну.

Однако с некоторым удивлением он обнаруживает, что не последовал за ней. Подбитый мехом комбинезон не пропускает воду, пространства, заполненные воздухом, держат его на плаву – значит, он умрет, медленно коченея от холода, а не в считанные мгновения – от хлынувшей в легкие ледяной соленой воды. И все же он борется, пытаясь отсрочить неминуемое, с чудовищным усилием выворачивается, не давая воде залиться за шиворот и попасть внутрь комбинезона. Ему удается схватиться за каяк, и он немного подтягивается на руках, но не может забраться на него, он полулежит на нем на спине, издавая громкие стоны, отдавшись на волю течения. До него доносится пофыркивание, и он замечает тюленя в нескольких метрах от себя. Зверь еще жив, он лежит и истекает кровью из раны в голове. Тюленя прибывает совсем близко, и Гедеон пытается оттолкнуть тушу, но чуть не выпускает при этом каяк. Тогда он предпринимает попытку повернуть каяк так, чтобы тюлень оказался по другую его сторону. Маневр удается. Но Гедеона охватывает страх при мысли о том, что тюлень очнется и вонзит в него зубы. Тюлени – хищники, зубы у них острые, как иглы. Он знает, что обычно они не нападают на людей, но перед глазами упорно стоит картина того, как раненый, истекающий кровью и обезумевший от боли и страха зверь набрасывается и начинает рвать его на куски, пока он, беззащитный, лежит в воде. Лучше уже тогда утонуть. Но он продолжает цепляться за каяк.

Внимание Гедеона было слишком поглощено тюленем, и он не следил за тем, куда течение относит его. Только когда каяк начинает скрести по кромке льда, до него доходит, что его прибило к льдине, туда, где он в безопасности сидел несколько минут назад. Он видит собак, они вскочили на лапы, стоят и высматривают его, наострив уши. Гедеон подзывает их, они виляют хвостами и повизгивают, но он сам опрокинул нарты набок, чтобы собаки не утащили куда-нибудь упряжку, и теперь им не сдвинуть ее с места. Он закован, у него нет сил подтянуться на руках. Если он сейчас выпустит каяк, то пойдет напрямик ко дну. А у него нет желания идти ко дну, он не хочет опускаться туда, во мрак, лучше умереть здесь, наверху, где есть воздух и

свет, тогда его потом смогут найти и отвезти домой на нартах, и Ольга с детьми будут стоять на коленях над его телом и, рыдая, целовать его превратившиеся в куски льда щеки.

Однако течение сильное, Гедеон чувствует, как, подчиняясь воде, его ноги, подобно водорослям, развеваются, постепенно уходя в глубину. Рано или поздно его утащит под лед целиком. Вода залилась в комбинезон, он отяжелел и больше не выполняет функцию спасательного жилета. Собрав последние силы, Гедеон делает рывок, отпуская каяк, выбрасывает пропитавшиеся водой руки на кромку льда и, прежде чем течение стащит его в воду, вмерзает в лед. Так он лежит на спине и смотрит в небо. Скоро стемнеет, но погода проясняется, хотя снег, пусть и не такой густой, еще идет. Снежинки опускаются Гедеону на лицо, и ему не смахнуть их. Внизу в темноте покачивается в потоке воды его тело, но он уже практически его не чувствует, холод ввел ему свой наркоз. Рядом плавает туша тюленя. Он мертв, по крайней мере, больше не фыркает. Гедеону жаль бессмысленно пропадающего мяса.

Шторм

Ассер сидит в своем доме, в том, что за церковью, и бездельничает. Пару недель уже бушует шторм, давая иногда день-два передышки, и тогда вода капает с крыши, и ощущается тягостная, свинцовая тишина; потом начинается хлестать дождь, столбик ртути падает ниже нулевой отметки, и весь остров словно покрывается глазурью, наступает время обледеневших дорог и переломанных костей; потом опять начинается дождь, и дома содрогаются от порывов ветра, затем небо проясняется, и на севере становится видно глетчер, истончившийся и светящийся мятно-голубым светом. Ассер лежит на диване и читает роман. Прогноз погоды сообщает об очередном падении атмосферного давления. Что по радио, что по телевизору – и там, и там поет женский хор. Ассер слышит это пение через стенку, они там врубили у себя на полную громкость, голоса монотонные и заунывные. Исполняют наиболее традиционные псалмы, напоминающие ему о его детстве. Торчать вот так в одиночестве в доме, которым владеет стихия, в поселке, оккупированном льдом и мраком, и слушать женский хор, поющий у соседей, в ожидании шторма, – хуже смерти.

В пятидесятые годы этот дом на две семьи построил отец Ассера. В то время большинство семей еще жили в торфяных избушках. За стенкой – зверобой с женой и тремя детьми. Дом стоит всего в нескольких метрах от берега. Когда разыгрывается шторм, волны дохлестывают до стены, и на поверхности откладывается соль, разъедающая покраску и замазку, на которой оконные стекла держатся в рамах. В декабре вода примерзает к стене, так что вся обращенная к северу сторона дома покрывается ледяным панцирем, выполняющим, правда, отчасти и теплоизолирующую функцию. Время от времени намерзший лед откалывается и пластами съезжает по стене или крыше с оглушительным грохотом, снимая со стены стружку, из-за чего она становится все тоньше и тоньше. Когда такое случается и кусок стены оголяется, внутри воцаряется лютый холод, и необходимо утеплять стену с внутренней стороны картоном и легкими ватными одеялами.

Но Ассер любит свой дом. Каждый год муниципалитет принимает решение о его сносе и постройке чего-нибудь нового, солидного таунхауса на четыре семьи, с отдельными входами и центральным отоплением, и каждый раз все перекладывается на бюджет следующего года. По той же причине все улучшения, выпадающие на долю этого дома, носят в высшей степени временный характер. В летние месяцы, когда лед стаивает, Ассер и его сосед Стефанус принимаются латать дыры. Вся северная сторона дома постепенно превращается в лоскутное одеяло из мазонитной плитки, пропитанного битумом картона и пластин из жести, которые они плотно подгоняют друг к другу, приколачивают поверх прогнивших досок, а также обивают ими углы дома, где все особенно сильно успевает прохудиться. Теперь же, когда снег и лед заковали стену в непроницаемую капсулу толщиной в метр, а снаружи ни ветерка, не составляет никакого труда поддерживать тепло в доме. Вот только оконный крючок в кухне за окном, как раз над мойкой, бьет о стену, и оконная рама нервно вибрирует. Выходя из дома, Ассер слышит доносящийся с юга далекий гул, с той стороны, которой остров обращен к открытому морю. Это отголоски шторма, бушующего над Датским проливом. Сегодня Ассеру придется искать другое место для ночлега.

Он слышит, как за стенкой копошится жена соседа. У нее по-прежнему работает радио, исполняют гренландские псалмы, он слышит, как она время от времени подпевает. Остальные члены ее семьи, наверное, уже уехали, они обычно пережидают шторм у родителей ее мужа. Ассер в курсе, что у них дома минимум обстановки, только самое необходимое, они боятся, что ураган разнесет дом в щепки и развеет над морем. А сегодня ночью урагана, кажется, не миновать, во всяком случае, метеорологи об этом предупреждают.

Ассер слушает, что она там делает. Она ходит взад и вперед, что-то расставляет или перекладывает, может, собирает вещи. Ассер представляет себе, как она изо всех сил пытается отсрочить момент, когда придется идти к свекрови и свекру, видимо, их отношения оставляют желать лучшего. А может, ей просто в радость побыть несколько часов в одиночестве, освободившись от непрерывно мамкающих детей и совершенно беспомощного без нее мужа. Ассеру часто приходится слышать, как тот ноет, если ему не удастся настоять на своем, и как дети изводят ее с утра до вечера. При этом Ассер не чувствует неловкости, он считает, что это естественные звуки для семьи и семейного очага. Но он не особо высокого мнения о соседе, несмотря на членство Стефануса в ассоциации звероловов и поселковом правлении.

Ассер не входит ни в одну из этих организаций. Он не женат, и ему так вполне комфортно. Мама еще жива, ей дали отличную комнату в городе в доме для престарелых. Ассер нечасто ее видит, обычно он держится от города подальше, но раз в неделю звонит ей узнать, как дела. Отец погиб, когда Ассеру было тринадцать. Небольшая пластиковая лодка, в которой отец перевозил на берег добытых тюленей, застреленных им с края льдины, перевернулась, и он пошел ко дну, даже не пытаясь звать на помощь. Ассер стоял на краю льдины и видел, как все случилось. Он ничем не мог помочь. Отец молча цеплялся за весло, он как будто пытался грести им, но оно не могло удержать его на поверхности и исчезло вместе с ним в глубине. Ассер не спускал глаз с того места, где ушел под воду отец. Прошло несколько минут. Тут он снова увидел весло, оно, словно гарпун, выстрелило из-под воды, разрезав зеркальную гладь, и улеглось на поверхности. Он выловил весло, когда его прибило ко льдине, потом вытащил лодку на лед. Сбегать за помощью он не мог, боялся: вдруг папа всплывет, а его здесь не будет; но папа не вернулся, а он все стоял и всматривался в поверхность воды, пока не стемнело. Потом приторочил лодку к саням, доехал на собаках до дома и рассказал маме о случившемся.

Они тогда жили здесь, в этом доме, именно тут Ассер вырос, их было четверо детей в семье. Но после гибели отца они переехали в город. Ассер с удовольствием ходил в школу, классный руководитель считал, что мальчику нужно после школы продолжить образование. Но через пару лет после конфирмации, когда ему было лет пятнадцать-шестнадцать, он начал пить и однажды, в стельку пьяный, убил собутыльника. Потом он так и не смог вспомнить, что произошло тем вечером, помнил только, как выглядел труп на следующее утро: он лежал на диване на спине, грудь и лицо были изрешечены дробью, словно присыпаны горошинами черного перца. В обивке дивана и в стене за диваном зияли воронкообразные отверстия от выстрелов, вся стена была усеяна дробинками, не попавшими в цель. Ассер не помнил, как все случилось, и не мог понять, как такое могло произойти. Он позвонил в полицию и попросил забрать его в отделение. Ему дали пять лет, которые он отбыл в Нууке в исправительном заведении, во многом это были неплохие пять лет, им разрешено было ежедневно выходить за пределы заведения, и у него была постоянная работа, он плотничал. И все равно Ассера страшно тянуло домой. Когда его выпустили, шеф хотел, чтобы он остался. Был период строительного бума, и плотницкими заказами можно было заработать хорошие деньги, но он отказался и вернулся на восточный берег, в свой поселок. Муниципалитет выделил ему одну из половин дома, в котором он когда-то вырос. С тех пор прошло пятнадцать лет. К алкоголю он больше не притрагивался, хотя выпить иногда очень хотелось.

Ассер работает в поселковой школе, он и убирает, и чинит, в общем, следит за хозяйством. Там он и решает переждать ближайшие несколько дней, пока не утихнет шторм. Он складывает в спортивную сумку хлеб, что-то, с чем можно будет сделать бутерброды, и немного тюленьего мяса, которым его угостил сосед и которое он теперь думает сварить на школьной кухне. Еще он берет пачку круглозернового риса и несколько луковиц. Достает с полки пару книг и кладет туда же, в сумку. Отбывая наказание в Нууке, он научился ценить чтение романов. Бывают периоды, когда он прочитывает по книге за день, он не привередлив и читает практически все подряд. Когда больше нечего почитать, он всегда может зайти в школьную

библиотеку, где все еще можно откопать несколько книг, достойных прочтения. Он находит спальный мешок и подушку и запихивает их в сумку вместе с чистой сменой одежды и шампунем. В школе есть душ, там он и принимает его каждый день. Несколько секунд Ассер стоит в раздумьях, потом решает, что взял достаточно, чтобы пересидеть в своем убежище пару дней. Он выключает свет и выходит на улицу.

Но, прежде чем уйти, обходит дом и стучит в соседскую дверь. У открывшей ему Карины, жены соседа, мечтательный бледный огонек в глазах. Сперва она несколько секунд разглядывает его и только потом здороваются.

– Привет, Ассер.

– Просто хотел спросить: если хочешь, могу тебя проводить, когда соберешься уходить, – говорит он.

Ничего не ответив, она уходит в дом, оставив дверь открытой. Он заходит следом, закрывает за собой дверь, проходит в кухню. Она смотрит на него с улыбкой. «Можешь не разуваться. Тут все равно грязно».

Она прислонилась задом к спинке скамьи и курит сигарету. Он видит, что это совершенно обычная сигарета, но в прокуренном воздухе висят похожие на шелк нити другого дыма, более сладкого, пряный аромат которого он помнит с тех лет, которые он провел в Нууке. Глаза Карины блестят, губы влажные, нижняя губа кажется припухлой.

– Ты уж извини, – говорит она, – только сейчас сама заметила, что я, вообще-то, под приличным кайфом.

– Не проблема, – говорит Ассер, – не мое дело. Где достала?

– Младшая сестра дала, – отвечает Карина. – Провезла в презервативе в заднице, когда последний раз возвращалась из Дании. Я помогала ей доставать все это наружу. – Она фыркает, потом подносит сигарету ко рту, сжимает губами фильтр и затягивается. – В Христиании раздобыла, качество довольно приличное. Хочешь?

– Мне кажется, мне будет нехорошо, если покурю.

– Немного веселящего табачка, от этого никому еще плохо не было, – говорит она и, давась смехом, сгибается и валится на скамейку, лежа на спине, смотрит на него, тяжелое облако табачного дыма поднимается у нее изо рта.

– Тебе не кажется, что нам пора к твоему мужу?

– Родители Стефануса у нас такие безукоризненно интеллигентные. Да ты их знаешь. Как думаешь, какие у них будут лица, когда к ним домой заявится обкуренная невестка?

– Давай сделаю тебе чашку кофе, – говорит он и, подойдя, тянется над ней к кухонному шкафчику, достает банку растворимого кофе.

– Не мог бы ты просто... сделать меня... со мной... – начинает она, но теряет нить.

– Сделать что?

Она прикасается к нему, гладит по спине и бедру, проводит указательным пальцем взад и вперед под ремнем на его брюках. – Ты выглядишь таким одиноким, – говорит она. – Тебе, наверное, очень скучно.

Теперь она забралась на скамейку с ногами, лежит на боку и ласкает пальцами пряжку на его ремне.

– Все не так плохо, – говорит он.

– Каково это, когда у тебя вместо девчонки всегда только собственная рука? – спрашивает она, и ее пальцы отпускают пряжку и спускаются ниже.

– Дело привычки, – говорит он.

– Мне иногда тоже собственная рука заменяет парня, – продолжает она и осторожно тянет вниз молнию его ширинки. – Но порой ведь хочется и чего-то другого.

Он смотрит на нее сверху вниз. Она красивая, стройная, у нее милое, немного детское личико, очень подвижные губы, которые то сжимаются, то приоткрываются, обнажая белые,

как фарфор, зубы. Кто-то из ее датских предков, отец или дед, оставил ей в наследство бледную кожу и россыпь веснушек на носу, а заодно и это бледное мерцание во взгляде, словно сквозь туман.

– Или, может, ты считаешь меня дурнушкой? – говорит она, и ее рука отправляется на поиски. – Когда я была маленькая, другие дети говорили, что я похожа на датчанку.

– Нет, ты очень красивая. У тебя красивые губы.

Она достает руку из его ширинки и, после некоторой возни с пуговицами, расстегивает свою рубашку и обнажает грудь, которая лежит в ее ладони, ощутимо тяжелая и мягкая. Карина опрокидывается на спину, в мойку падает кружка и вращается там вокруг своей оси. – Поцелуй мою грудь, – говорит Карина.

Он вдыхает воздух, пропитавшийся сладковатым дымком сигареты, и чувствует легкое головокружение. Карина приподнимается, ложится животом на столешницу, расстегивает брюки и слегка приспускает их. Ему видно ее грудь, упирающуюся в стол, огромный фиолетовый сосок, вывернутый вбок и притиснутый к столу, покрытый коростой и разжеванный пятью детскими ртами, видно впадину между двумя белыми, как мел, ягодицами над старенькими, застиранными трусами.

– Мы можем делать, что хотим, – говорит она. – Никто не придет. Здесь только ты и я.

Он делает шаг к ней, слегка приседает, плюет на руку и увлажняет слюной член, торчащий из ширинки, расстегивает оставшиеся пуговицы, и брюки падают на пол. Входя в нее, он чувствует, как ее прохладные ягодицы ударяются о чувствительную, тонкую кожу в паху, слева и справа, и это маленькое двойное прохладное прикосновение пробуждает в нем первый настоящий импульс желания. Одной рукой он держит ее за бедро, пальцами другой проводит по ее волосам, как гребнем, они густые и тяжелые, он пропускает их между пальцами снова и снова, потом зажимает их у корней и жестко запрокидывает ее голову, впиваясь в ее губы. Она напряжена как струна, изогнулась к нему в полуобороте, отвечая на поцелуй, и он чувствует, как оргазм заставляет ее влагилице сжаться, как будто его член стиснули в кулаке, он закрывает глаза, слышит, как хлопает дверца кухонного шкафа и как грохочут стаканы и фарфоровая посуда.

Потом он провожает ее к мужу в дом свекра и свекрови. Кайф из нее, вроде, весь выветрился. Они не разговаривают, молча идут рядом. Декабрьское небо темнеет над головой Стефануса, встречающего жену на пороге. Она с улыбкой кивает Ассеру.

В школе он устраивается в учительской, там стоит диван. Ассер обходит здание, закрывает ставни на всех окнах и проверяет, чтобы дизельный обогреватель работал как надо, убеждается, что бак с топливом полон. Поднялся ветер, но снег пока не пошел. Уже давно стемнело. Он идет в раздевалку, потом долго принимает душ.

На кухне Ассер мелко нарезает мясо тюленя, кладет его в кастрюлю, сверху бросает несколько полных горстей риса, три нашинкованные луковицы и как следует солит. Потом заливает мясо водой из электрического чайника и включает конфорку. Пока мясо с рисом варятся, он лежит на диване в учительской и читает. Роман датского автора. Книга хорошая, хотя, может, у него сегодня просто подходящее настроение для чтения, когда любая книга кажется хорошей. Так часто бывает перед штормом.

Время от времени он откладывает книгу в сторону, идет на кухню и проверяет, как там суп, слегка помешивает в кастрюле, регулирует нагрев. Кусочки мяса, блестящие от жира, всплывают на поверхность булькающей воды. От этой картины у него текут слюнки. Когда суп готов, он вылавливает несколько кусков мяса на поднос, а суп наливает в глубокую тарелку. Рис разварился, и суп получился густым, насыщенным и вкусным, с бусинками жира, массой лука и крошечными лепесточками свернувшейся крови. Ассер съедает чересчур много и вынужден прилечь. Он прочитывает еще несколько глав романа.

Шторм уже всюду бушует в поселке. Но здание школы вытянуто по форме, и Ассер устроился с противоположной от ветра стороны, поэтому он ничего не чувствует, только видит, как снег повис в воздухе и трепещет плотным, наклонным ковром за окнами и как один из фонарей у дороги сотрясается от ударов ветра. Подождав, пока уляжется тяжесть в переполненном желудке, он перебирается в кабинет труда. У него давно уже созрела идея смастерить стойку для компакт-дисков, все углы у нее должны быть разными, а полочки неодинаковыми по длине. В ящике со всяким хламом он находит несколько реек и дощечек, подходящими на вид. Он начинает их распиливать, сначала на большой электрической пиле, потом выпиливает тонким лобзиком. На стойку уходит несколько часов, но получается совсем не то, что он себе представлял. Хотя выглядит она забавно, ни на что не похожа. Он красит ее в красный цвет и ставит на газету, чтобы дать высохнуть. Потом забирается в лежащий на диване спальный мешок и засыпает.

На следующий день Ассер возвращается в кабинет труда и делает лошадку-качалку. Он хочет подарить ее на Рождество одному из племянников, хотя с родней общается редко. Шторм достиг апогея, по радио объявляют, что зарегистрированы рекордные по своей силе порывы ветра. Он дочитывает книгу до конца и берется за следующую – оказывается, это детектив. После полудня Ассер идет в спортивный зал, раздевается и прыгает через «козла», забирается по канатам под потолок и выполняет упражнения на шведской стенке, чтобы разогреть мышцы. Потом несколько часов забрасывает в корзину баскетбольный мяч. В исправительном учреждении он считался неплохим баскетболистом, и видно, навыка не потерял. Вечером звонит директор школы, Фляйшер. Он видел свет в окнах школы. Ассер объясняет, по какой причине он здесь. Фляйшер только рад, что кто-то присмотрит в школе за всем во время шторма. Он рассказывает, что один из двух громадных контейнеров для перевозок грузов через Атлантику, стоявших в районе перевала, сорвало ветром, он сорвался в пропасть, пролетел несколько сотен метров и торпедой врезался в метровый слой льда в районе фарватера, так и лежит теперь там, только угол торчит из-под воды. Еще сгорел один из домов, но в нем никого не было, так что обошлось без пострадавших. Он спрашивает, не скучно ли Ассеру одному в пустующей школе. Если есть желание, пусть приходит к ним, поест и переночует у них дома.

– Мне нужно следить за обогревом, – говорит Ассер.

– Тогда будь готов, тебе придется провести там еще какое-то время, – говорит Фляйшер. – Передают, что шторм уляжется не раньше понедельника, к вечеру. Думаю, школу мы откроем самое раннее во вторник утром.

– Ладно, – говорит Ассер. – Не проблема. Я присмотрю здесь за всем.

На следующий день приходится заглянуть в библиотеку. Он решает взять «Войну и мир» Толстого, два толстых тома, он давно намеревался их прочесть. Поначалу он путается в большом количестве персонажей, длинных диалогах, идущих вперемешку на датском и французском, русских именах, но потом повествование фокусируется вокруг отдельных героев, и он чувствует, что уже не в силах оторваться. Он ест суп, мясо тюленя, бутерброды из ржаного хлеба с паштетом и жирной копченой колбасой, сморзшейся в морозилке, так что теперь ему приходится отдирать нарезанные кусочки один от другого и раскладывать на разделочной доске, чтобы они оттаяли. К счастью, за водой никуда ходить не нужно. В школе есть водопровод. Четыре-пять раз в день Ассер проверяет, все ли в порядке с баком обогревателя. Если закончится дизель, школьные батареи замерзнут за пару часов, и их придется менять. Такое один раз уже случилось, еще до того, как он сюда устроился. Все медные трубы пришлось демонтировать и заменить на новые, это обошлось в кругленькую сумму. Но обогреватель успокаивающе урчит, и уровень топлива в баке на отметке три четверти. Ассер возвращается в учительскую, ложится и продолжает чтение, после чего разогревает немного супа, потом играет в баскетбол.

Во вторник утром школу открывают. Ассер собирает свои вещи и проветривает учительскую и кухню, выливает остатки супа, завязывает мешки с мусором и выставляет их возле двери. На пару часов выключает обогреватель, разбирает горелку на части и прочищает форсунки. Потом снова включает, все работает как надо.

После полудня он возвращается домой, пока еще светло. Свежий ледок, которым подернулось небольшое озерцо перед зданием школы, спрятался под снегом. Он еще недостаточно крепок. Ассер напоминает себе, что нужно не забыть поставить предупреждающий знак, а то еще кто-нибудь провалится под лед и утонет, нужно не забыть упомянуть об этом в разговоре с Фляйшером, чтобы тот сделал объявление детям. Вообще-то за знак отвечает муниципалитет, но они еще ни разу его не поставили. Озерцо даже в середине не глубже трех-четырёх метров, но уже были случаи, когда люди в нем тонули, пытаясь срезать путь по льду, предательски скрытому слоем снега.

На склоне холма за местным клубом ветром опрокинуло на бок дом. Он был не достроен, стоял с разверзнутыми проемами окон и дверей, поэтому неудивительно, что завалился. Потом навстречу попадают обугленные балки, торчащие вокруг покрытой сажей дымовой трубы – все, что осталось от сгоревшего дома. В воздухе кислотовато пахнет сгоревшей утварью. Дом Ассера стоит цел и невредим. Внутри ужасно холодно, но работающая на солярке печка быстро отогревает помещение. Он не снимает с себя верхнюю одежду, пока дом не прогреется.

Под вечер раздаётся стук в дверь. Пришел сосед, Стефанус. Он что-то держит в руке.

– Просто зашел поблагодарить, – говорит он. – За то, что ты тогда проводил Карину.

– Не за что, – отвечает Ассер. – Мне все равно было по пути.

Стефанус смущенно улыбается.

– А она не была немного...? Ты ничего не заметил такого?

– Слегка, – говорит Ассер. – Но ничего критичного.

– Ладно, я тоже так подумал. Не так часто это случается.

– Все в порядке, – говорит Ассер. – Слава Богу, это не проблема.

Стефанус явно чувствует облегчение. Он сдвигает свою шапку на подкладке, в каких ходят промысловые охотники, на затылок, и протягивает Ассеру пакет, который держит в руке. В качестве небольшой благодарности за помощь, говорит он.

Ассер заглядывает в пакет.

– Китовое мясо, – говорит он. – Выглядит аппетитно. Спасибо.

– Не за что, – говорит сосед. – Это Карина отрезала тебе кусок.

Ассер ложится на диван и открывает «Войну и мир», ставит раскрытую книгу на грудь. Книга поднимается и опускается вместе с грудной клеткой, когда он дышит, и это отвлекает от чтения. Он подкладывает подушку, пытается вернуться к роману. За стеной он слышит их семью, голоса, перебегающие от одного к другому, голос Карины, Стефануса, детей, у них легкая ссора, они дразнят друг дружку, смеются, плачут, гремят посудой, у них играет музыка.

Ассер поднимает глаза и смотрит в текст, на тянущиеся нити предложений. Он читает: «Граф Илья Андреевич вышел из предводителей, потому что эта должность была сопряжена с слишком большими расходами, и, не имея больше надежды получить место, остался на зиму в деревне. Но дела все не поправлялись...»

Хелле Хелле

Хелле Хелле родилась в 1965 году, выросла в Родбю (Дания). Закончила Копенгагенский университет (1985–1987) и Литературную школу в Копенгагене (1989–1991). С 1990-го по 1995 год работала на Датском радио. Является лауреатом многих литературных премий, в том числе Датской литературной премии критиков, премии Пера Улова Энквиста, «Золотого лаврового венка», гран-при Датской Академии и медали Хольберга (2019). Рассказы и романы писательницы переведены на 18 языков. В антологию вошли два рассказа из сборника «Останки» (1996).

Два километра

В пятницу ночью мне приходится разбудить Андерса, потому что с улицы доносятся чьи-то рыдания. Громкий и непрерывный плач, больше всего напоминающий звуки, издаваемые лошадью, когда она протяжно ржет, скаля зубы. Мы встаем с постели и подходим к окну; на краю тротуара сидит женщина, лицо запрокинуто к небу, руки распростерты в стороны. Такое ощущение, что у нее не все в порядке с головой, и я говорю об этом Андерсу, который уже натягивает на себя пальто. Она нездорова, говорю я. Кто знает, что в этом состоянии взбредет ей в голову. Андерс отвечает, что, может, все не так и плохо, и выходит на улицу.

Вижу, как он останавливается напротив нее. Она опускает руки, рыдания стихают. Он поднимает ее на ноги, она пытается поцеловать его, и он позволяет ей это сделать. Потом отталкивает ее от себя, и она убегает прочь по нашей улице.

Он возвращается в дом. Это была она, спрашиваю я, и он отвечает, что нет, не она – так, какая-то старуха, он ее никогда раньше не видел.

Мы снова ложимся в постель, на часах без четверти три. Ворочаемся с боку на бок, шумит электрический обогреватель, Андерс встает и выключает его, потом садится на край кровати. Я говорю, что старуха, видимо, обладает недюжинной силой, раз ей удалось заставить его целовать себя. Андерс спрашивает, не хочу ли я выпить с ним пива в гостиной, а то ему никак не уснуть. Я спрашиваю, зачем было ее целовать. Он говорит, что это была несчастная старуха.

Мы сидим в креслах и пьем пиво. Андерс включает телевизор, показывают бокс. Я прошу его выключить: невыносимо смотреть, как они колошматят друг друга, от этого мне еще меньше хочется спать. Он выключает телевизор. Я спрашиваю, как она выглядела, старуха. Он отвечает, что на ней, кажется, было серое платье. Что, ничего не было поверх платья, раз он смог рассмотреть его? Андерс говорит, что на ней не было верхней одежды, у нее, наверное, старческое слабоумие.

Я спрашиваю, каково это – целовать слабоумную старуху, наверное, неприятно. Он говорит, это почти все равно, что поцеловать свою бабушку. Я спрашиваю, чем от нее пахло; Андерс говорит, что он совершенно не обратил на это внимания. К тому же она ведь ушла, так что ему не понятно, почему я никак не могу сменить тему.

Просто странно, говорю я, судя по голосу, она совсем не старая. Слишком высокие ноты брала, когда редела, да и передышки не делала; у пожилого человека просто воздуха в легких не хватит. Андерс спрашивает, почему бы мне не сесть на велосипед и не догнать ее. Тогда я смогу выяснить, сколько ей лет, поскольку очевидно, что этот вопрос не дает мне покоя.

Я говорю Андерсу, что тогда уж это ему нужно сесть на свой велосипед, доехать до окраины, и там еще потом будет два километра по шоссе. До дома желтого цвета, там он сможет снова поцеловать ее. Охота у него, видимо, еще не пропала, раз уж ему приходит в голову заниматься этим у меня на глазах, только потому, что она уселась, закатила истерику и вообразила себя актрисой на съемках. Так ржут кобылы, как она редела, говорю я и передразниваю ее. Андерс поднимается и уходит в спальню, появляется оттуда одетым, берет ключи и захлопывает за собой дверь.

На следующий день я просыпаюсь поздно и выхожу в гостиную. Андерс сидит на диване; я спрашиваю, хорошо ли он выспался. Говорит, что совсем не ложился, проехал на велосипеде

километров пятьдесят, не меньше, он был просто в бешенстве. Теперь у него болит все тело, он выпил пару таблеток аспирина и ждет, когда они подействуют.

Я спрашиваю, не к ней ли он ездил. Он говорит, что, может быть, не стоит начинать сначала весь этот разговор. Говорит, что проехал пятьдесят километров, потому что был просто в бешенстве. И кстати, он не был у нее уже больше четырех месяцев, мне пора уже это уяснить.

Я трогаю его за локоть. Он говорит, что рассказал мне все как есть, а в остальном – решение по-прежнему за мной. И что я, по крайней мере, должна верить его словам, когда он говорит, что на тротуаре этой ночью сидела и плакала какая-то старуха.

В субботу после обеда я иду пешком по городу, до самой окраины и потом еще два километра по загородному шоссе, пока Андерс наверстывает часы, которые он не доспал. Я обращаю внимание, что она выращивает у себя в садике множество всякой зелени. Говорю ей об этом, когда она открывает дверь.

У вас тут столько всякой зелени, говорю я и показываю на грядки. Она отвечает, что ей нравится приправлять еду. Я спрашиваю, не отрываю ли я ее от еды. Нет, она сейчас вообще-то разговаривает по телефону. Так возвращайтесь в дом и закончите разговор, я подожду в саду, говорю я.

Вижу ее в окне, она и правда болтает по телефону. Кивает и жестикулирует, как будто собеседник ее видит. Время от времени она бросает на меня взгляд в окно. Я отщипываю несколько веточек тимьяна, растираю их в пальцах и вдыхаю запах.

Она выходит из дома и говорит, что, пожалуйста, я могу нарвать себе зелени, сколько нужно, если я зашла к ней за этим. Я говорю, что она очень удачно предложила, потому что у меня как раз с собой ножницы. Срезаю немного базилика и спрашиваю, с кем она говорила. Она говорила с папой, его только что положили в больницу. Спрашиваю, что с ним; что-то с почками, поясняет она. Я спрашиваю, умеет ли она ржать, как кобыла. Как кобыла, повторяет она. Как кобыла, скалящая зубы, говорю я. Ей кажется, что она не умеет. Я прошу ее попытаться. С какой стати ей пытаться, говорит она. Я делаю несколько шагов в ее сторону. Ты должна заржать, как кобыла, говорю я и демонстрирую ей, чего я от нее хочу. Она пятится в дом, издает вялый звук, напоминающий лошадиное ржание, и закрывает за собой дверь.

Вернувшись домой, я вижу, что Андерс сидит в гостиной. Он так и не поспал, мышцы ног ноют и не дают уснуть, аспирин не помогает. Я говорю, выпей бокал красного вина за ужином, вдруг поможет. Я приготовлю пасту с разными травками.

Я нарезаю на кухне зелень, когда он входит и обнимает меня сзади. Говорит, что иногда у него возникает желание взять себя за горло пальцами и сдвинуть. Таким способом себя не убьешь, говорю я. Хорошо, говорит он, к тому же ему гораздо лучше стоять здесь со мной и чувствовать сквозь блузку мои груди. Я мою петрушку, не отстраняясь. Тут звонит телефон, и он убирает руки.

Я узнаю этот его тон, так он говорит с ней. Отвечает очень коротко, как будто пытается отделаться от собеседника; разговаривай он с кем-то другим, это звучало бы неестественно. Обычно, закончив разговор, он приходит ко мне, обнимает меня сзади и начинает болтать о чем-то будничном, доме или машине, которую надо бы отогнать в ремонт. Но не на этот раз. Закончив разговор, он усаживается перед телевизором и начинает переключать каналы.

Ты сегодня была у нее, говорит он, когда я вхожу в гостиную. Просто в голове не укладывается, что ты действительно была у нее и угрожала ей; это уму непостижимо, что ты вытворяешь.

Я у нее не была, говорю я.

Она позвонила мне и сказала, что ты пару часов назад заявила к ней в сад с ножницами в руках, говорит он.

Я отвечаю, что она просто больная, здоровому человеку такое в голову не придет. Пока он отдыхал, я пила кофе у своей старой приятельницы, пожалуйста, пусть позвонит и проверит, если хочет. Он спрашивает, какой номер телефона у моей приятельницы, снимает трубку и держит ее в руке; черт бы побрал всех баб, говорит он, вы просто рождаетесь такими. Потом бросает трубку, так и не набрав номер, подходит к окну, упирается ладонями в стекло. Я звоню приятельнице, Андерс хочет тебя кое о чем спросить, говорю я и передаю ему трубку. Как поживаешь, говорит Андерс в трубку, как поживаешь, что поделываешь. Длительная пауза. Да это у нее такие дурацкие шутки, говорит он и вешает трубку.

Андерс ложится спать, не поужинав. Говорит, что не помнит, когда в последний раз чувствовал себя настолько разбитым. Я говорю, что ему просто надо заканчивать колесить на велосипеде по ночам по пятьдесят километров, когда есть кровать, которая ждет его, и не только в этом доме.

Я съедаю почти все макароны и включаю какой-то детектив по телику. Потом смотрю новости и спорт и заодно приканчиваю бутылку красного вина. Когда я ложусь, Андерс все еще не спит.

Чего не спишь, говорю я.

Он встает и включает свет. Говорит, что это правда была не она, та женщина на тротуаре прошлой ночью. Она бы никогда такого не сделала, говорит он. А ты бы никогда не стал ее целовать, отвечаю я, а я в жизни не стала бы угрожать ей. Да, говорит он. Конечно, ты бы не стала. Да, говорю я. И моментально засыпаю.

Однажды весной

Однажды весной – я как раз писала магистерскую работу – у меня вошло в привычку каждый день после обеда прогуливаться пешком в порт. Я привычно садилась на какую-нибудь скамейку и курила, рассматривая владельцев яхт и катеров, которые швартовались, сходили на берег и шли закупаться провизией в магазин у причала. В погожие дни я снимала верхнюю одежду, подставляя солнцу руки. Но чаще всего было пасмурно, во всяком случае, такой мне запомнилась погода.

Однажды, незадолго до того, как я перестала туда приходить, рядом со мной села женщина. Полагаю, обычная туристка; во всяком случае, прежде я никогда ее не видела. Она наклонилась ко мне и попросила прикурить, я протянула ей коробок спичек, она не стала его возвращать.

Мы сидели, курили и смотрели на гавань. Семейная пара со своим отпрыском готовилась кормить чаек, но мальчик вцепился в хлеб мертвой хваткой, чайки кружили над самой его головой. Тогда папа завел сыну руки за спину, а мама выкрутила хлеб из его пальцев и кинула в воду. Мальчик бросился на землю, родители пытались его уговаривать. Он лежал не шелохнувшись. Тогда они понемногу пошли, не оглядываясь в его сторону. Малыш по-прежнему неподвижно лежал ничком, уткнувшись лицом в землю.

Когда его родители отошли на порядочное расстояние и были уже на другой стороне канала, сидевшая рядом со мной женщина нарушила молчание.

– Я вот думаю: когда мальчику станет страшно и он побежит догонять маму с папой? – сказала она.

– Я тоже об этом думаю, – сказала я.

– Похоже, что я успею выкурить еще одну сигарету, прежде чем это произойдет, – предположила она.

Я тоже достала пачку и попросила спички; она зажгла мне одну и убрала коробок обратно в карман.

– На самом деле, они уже далеко ушли, – сказала она. – Наверное, у них такой способ его воспитывать.

– Каждый сам решает, как воспитывать, – сказала я.

– Это да. И все же мне хочется помочь ему найти маму с папой, когда он поднимется.

Родители мальчика как раз исчезли из вида, скрывшись за какими-то служебными постройками. Мальчик по-прежнему лежал, не шелохнувшись.

– А вдруг с ним что-то случилось, – сказала моя соседка. – Он же не двигается.

– Они, наверное, знают своего сына, – сказала я. – Наверняка, он не впервые откалывает этот номер.

– А я вот сижу, курю, – сказала женщина.

– Ну да, это плохо, – сказала я.

– Хочу вам кое-что рассказать, – сказала женщина. – Сегодня уже можно утверждать, что все обошлось, потому что моя дочь выросла хорошим и счастливым человеком. Но когда ей еще не было двух месяцев, она пролежала одна в своей кроватке трое суток. Я боялась уронить себя в глазах других людей, из-за этого она столько пробыла одна. Она могла умереть. Маленькие дети не могут долго без жидкости.

– Что случилось? – спросила я.

– Сказать по правде, меня после ее рождения страшно потянуло на курево, наверняка, из-за гормонов, в общем, я в основном была занята тем, что сидела и курила – с того самого дня, как меня выписали из роддома. Каждый раз, как дочка засыпала, я доставала из пачки сигарету. Я подолгу укачивала ее в люльке-переноске, а когда она засыпала, я относила ее в

спальню и закрывала дверь. Потом садилась в гостиной и смолила одну сигаретой за другой. Не знаю, о чем я думала. Наверняка о будущем и о своем материальном положении. Я жила одна и почти не видела людей, не считая моей малышки, конечно, но она же была еще совсем кроха. Почти все время спала. Маленьким детям необходимо много спать. Сама я не могла уснуть, только сидела и курила, прерываясь каждые четыре часа, когда дочка просыпалась. Тогда я тушила сигарету и подогревала ей бутылочку. Кормить ее грудью я, к сожалению, не могла, молоко у меня было никудашное. Темное и слишком жидкое, и быстро переставало идти. Но говорят же, что дети, выросшие на искусственном вскармливании, не менее крепкие и здоровые, чем остальные, и моя девочка никогда потом не болела ничем серьезным. И моя грудь, к счастью, не слишком распухла за те три дня, что меня не было. Зато нога распухла.

– Что случилось с вашей ногой? – спросила я.

– Причину так толком и не установили. Не было ни перелома, ничего такого. Хотя я думала, что сломала ее, когда лежала посреди улицы и кричала. Я вышла за сигаретами. Обычно они лежали у меня дома целыми блоками, поскольку я прекрасно знала, что не могу в любой момент, когда захочется, выскочить купить пачку. Нужно же было заниматься дочкой. Но в один из дней после обеда от моих запасов не осталось ни сигаретки, я бродила кругами, не находя себе места, поглощала шоколад, смотрела телевизор. Ничто не помогало. Хотелось курить, и мне пришлось выйти за сигаретами.

Меня сбила машина зеленого цвета, я отчетливо это помню. Уж очень она была зеленая. Я лежала на проезжей части. Крови не было, ничего такого, но «Скорая» приехала. И меня забрали в больницу.

– И вы никому не сказали, что у вас дома дочка?

– Именно. Я этого не сделала. Я бы, наверное, призналась, если бы меня предупредили, что продержат в больнице три дня. Мне сразу же сделали рентген, выяснили, что все кости целы, поэтому я рассчитывала, что меня сразу же отпустят. Но мне выдали больничную одежду и уложили на койку, хотели провести обследование. Нога чудовищно распухла, но я солгала, сказав, что боли совсем не чувствую. Мне хотелось вернуться домой как можно скорее.

– Почему же вы там не рассказали никому про дочку?

– Мне было неловко. Честно скажу, ужасно неловко. Казалось стыдным признаться, что оставила ее одну в квартире. Я должна была заранее подумать, что существует определенный риск, если ты переходишь оживленную улицу, по которой ездит масса машин. К тому же сигареты – плохое оправдание, когда ты ушла и оставила совсем еще малыша без присмотра. А потом я заснула. Это ужасно, но я просто уснула. Подумайте, я ведь почти два месяца не спала по ночам и днем практически не отдыхала, потому что курила все больше. Я спала, и спала, и спала. Проснулась только через сутки, и нога все еще сильно болела. Я попросила болеутоляющее, якобы от головной боли. Лучше бы я этого не делала. Мне сказали, что вынуждены оставить меня еще на день, не исключено, что у меня сотрясение мозга. Я настаивала на выписке, и врачи спросили, есть ли у меня близкие, которые смогут обо мне позаботиться. Но ведь никого же не было. И мне сказали, что оставляют меня в больнице.

– И вы опять промолчали.

– Да, тогда уже было слишком поздно. Какая мать будет валяться в больнице на кровати, дрыхнуть, пить чай, который ей приносят с поджаренными тостами, когда ее малышка наверняка уже надрывается дома от голодного крика?

– Вы не боялись, что она умрет?

– Очень боялась. Но успокаивала себя тем, что она крепкая. При рождении она весила значительно больше среднего, у нее были резервы, на которых можно продержаться. Как я уже говорила, меня больше пугало отсутствие жидкости, но я старалась не думать об этом.

– Но так же можно нанести и другие травмы.

– Психические, вы имеете в виду. Да, вы правы. Я слышала, что грудной ребенок довольно быстро может умереть от одной только нехватки телесного контакта. Но, к счастью, тогда я об этом не знала. Мне повезло, думала я, что она такая маленькая и никогда не вспомнит об этом. И не сможет никому об этом рассказать.

– Это было для вас важно?

– Конечно, важно. Я же не хотела, чтобы история выплыла наружу. И она не выплыла.

– И вы вернулись домой через трое суток?

– Да. Опухоль спала на третий день, а я к тому моменту припрятала несколько болеутоляющих таблеток. Выпила их все сразу и смогла выйти из больницы без гримасы страдания на лице. Нога все еще болела, как вы понимаете.

– То есть вы сбежали оттуда?

– Нет, нет. Все было как положено. Меня выписали, когда главврач дал добро, в обмен на мое согласие явиться неделю спустя на контрольное обследование.

– И вы вернулись домой к дочке.

– Да.

– Она кричала?

– Она не издала ни звука. Лежала в кровати, вся мокрая и в то же время иссохшая. Я ее вымыла и смазала маслом кожу, передела во все чистое и положила спать рядом с собой.

– То есть с ней ничего не случилось.

– Слава богу, ничего. Я поняла, что ее организм не выдержит, если я дам ей сразу много молока. Это бы разрушило ее пищеварение. Поэтому я понемногу увеличивала размер порций, и через сутки она уже получала полный объем.

– Вы когда-нибудь рассказывали дочери о том, что произошло?

– Отвечу вам вопросом на вопрос. Ваша мама жива?

– Жива.

– Она обо всем вам рассказывала, чего вы сами не помните?

– Конечно, нет. Было бы совершенно невозможно пересказать все.

– Вот именно. Мы решаем, что рассказывать детям, а что нет.

– И вы решили об этом случае не рассказывать.

– Я подумала, что вреда от такого рассказа было бы гораздо больше, чем пользы.

– А как ваша нога?

– Я привыкла к тому, что она болела. Но какое-то время, само собой, ходила на контрольные осмотры раз в неделю.

– И опять оставляли дочку одну?

– Она ведь уже, можно сказать, выдержала это испытание. Зато курить я бросила и много лет не курила. Я дала своей дочке все, в чем она нуждалась, и сейчас она счастлива. Она понятия не имеет, что ее когда-то бросили одну. А с ним совсем другая история.

Она кивнула в сторону мальчика, который все еще лежал, уткнувшись лицом в землю.

– Он уже достаточно большой и запомнит этот случай. Может быть, он никогда не простит этого своим родителям.

Она поднялась со скамейки, обернула платок вокруг шеи, достала из кармана перчатки и надела их.

– В любом случае хочу помочь этому мальчику, – сказала она.

– Вы забыли вернуть мне спички.

– Простите. Вот, – сказала она и протянула коробок.

Я наблюдала, как она направляется к мальчику и садится перед ним на корточки. Может, она попробовала заговорить с ним, не знаю. Но мальчик быстро повернулся и с силой пнул ее в живот, так что она опрокинулась на спину. Потом вскочил на ноги и побежал в том направлении, в котором ушли его родители.

Когда я уходила, она все еще лежала на спине.

Йенс Блендstrup

Йенс Блендstrup – прозаик и драматург – родился в 1968 году. Дебютировал в 1994 году сборником рассказов «Человек в парнике». Известность к Блендstrupу пришла в 2004 году вместе с романом «Бог говорит начистоту».

Блендstrup много сотрудничал с фотографами, художниками и скульпторами, ездил по Европе. Он всегда считал, что жизнь состоит не только из серьезных вещей, но и из смешных. Радио-пьеса «Укол багетом» была отмечена премией Prix Italia. Еще одну премию, prix Magulic, он получил за радио-пьесу «Германн Гладенсвенн», написанную по мотивам средневековой народной песенки. Для театра он с тех пор не писал, на смену пришли романы, книги по искусству, сборники стихов и рассказов. В антологию вошли два рассказа из сборника «Внезапно нахлынувшие рыдания» (2007).

Тяжесть

Лулу Андерсен была необычайно счастливым человеком. Состояние счастья, в котором она пребывала, нельзя было измерить или взвесить. Вообще определить его масштабы. Она просто вся была пропитана счастьем. Именно поэтому он сразу влюбился в нее тогда в кафе. Она шла между столиками, излучая радость, полностью лишившую его удовольствия, которое он получал от чтения газеты. «Вот, значит, как – идешь тут, между столиками, и вся такая из себя радостная», – сказал он громко и рассерженно хлопнул газетой по столу. Этим он ее покорила. Она не встречала еще таких, как он. Он пригласил ее в кино. Они пошли на фильм под названием «Дым», там было про людей, которые без конца курили и здоровались друг с другом. В ответ Лулу пригласила его на вечеринку к своим подружкам. Вскоре после этого она связала с ним свою жизнь, переехав к нему. В связи с этим событием он сообщил ей свое имя.

– Меня зовут Николай, – в его голосе прозвучала серьезность, от которой она совершенно обалдела. Его имя как будто подняли на поверхность из глубоченной меловой шахты, полной всяких других серьезных вещей.

– Я Лулу, но, кажется, я это уже говорила, – сказала она.

– Говорила, – прошептал он. – Ты рассказывала, что тебя зовут Лулу. Но ты можешь сказать это в любую секунду, когда захочешь, ведь, знаешь, ты же счастливый человек, это слышно по твоему голосу, но поскольку не все люди таковы, то пусть это будет твоим вкладом в жизнь, которая не очень-то нас балует, – сказал он и пригласил ее в суши-бар.

– Выбери, – сказал Николай и заглянул ей в глаза, едва не потеряв при этом равновесие, еще чуть-чуть, и он провалился бы туда. – Мы ведь за тем сюда и пришли. Слегка перекусить, а не наесться до отвала, как мы обычно это делаем.

Он обладал способностью заглядывать ей в глаза все глубже и глубже, пока говорил. Как будто, говоря, погружался в нее. Или за разговором начинал как-то валиться вперед, словно теряя равновесие. Он смотрел на нее и говорил вещи, от которых она, не переставая, улыбалась.

Спустя какое-то время они перебрались с улицы Нансена, на которой Николай прожил много лет, в квартиру попросторнее, но подальше от центра. Здесь было достаточно места, и пол был циклеванный, и мебели было не так чтобы много. Николай не особо любил, когда в квартире много мебели, он так и сказал и заглянул ей в глаза. «Лучше пусть будет больше места для вещей, которые действительно что-то значат, а то все так легко становится слишком... легким».

На смену весне пришло лето, а потом и зима. Лулу училась на медсестру. Она хотела делать людям добро.

– Ты не думаешь, что это слегка устарело и превратилось в стереотип? – сказал Николай, уже который год писавший диссертацию по эстетике и современным средствам массовой информации. – Может, тебе заняться чем-то, в чем больше драйва? Возьмем дизайн – это же не только платья.

Лулу рассмеялась. Николай иногда был таким забавным. Она как раз поднималась, чтобы приготовить попкорн, но он удержал ее. Не то чтобы сильно, просто слегка стиснул локоть. Потом еще раз.

Родители Лулу были совсем как она. Мама ужасно радовалась поводу что-то испечь, а папа ужасно радовался возможности лишней раз поздороваться с Николаем и похлопать его по плечу. Он держал в клетке несколько пичуг, которых очень любил показывать гостям. Родители Николая были очень похожи на сына, такие же малообщительные. Их приветливость проявлялась в вещах, которые обладали глубоким значением и были весомы, как выразился Николай однажды вечером, заглянув Лулу в глаза. У них над головой висела недавно купленная лампа

модного грязно-белого цвета. Однажды им надо было идти на свадьбу к одному из друзей Николая. Свадьба была что надо, а в самом конце устроили танцы.

– Может, и нам тоже взять да пожениться? – спросила Лулу в такси на обратном пути. Николай посмотрел на нее. И кивнул.

– Только, Лулу, тут еще надо, как бы это сказать, основательно все обдумать.

– Я уже обдумала, – сказала Лулу. – Я представляю себе цветы и нас, сбегающих от всех этих дурацких гостей, чтобы взобраться на скутер и трахаться на нем стоя.

– Ха-ха, – произнес Николай, поскольку по-настоящему он никогда не смеялся. Он как-то подчеркнуто отчетливо выговаривал каждый отдельный смешок, вместо того, чтобы смеяться. – Тут все сложнее, чем на первый взгляд, Лулу. Не то чтобы я тебя не любил. Ведь я тебя люблю, как бы это сказать... всем сердцем и душой, но от нас обоих это потребует больших усилий, особенно от тебя.

Лулу улыбнулась.

– Ты бы остался доволен...

Николай покачал головой и приложил палец к ее губам.

– Нет... Тебе просто надо начать, как бы это выразиться, задумываться, что ли.

Лулу снова улыбнулась.

– Я часто задумываюсь. Просто я делаю это быстро.

– Нуу, – сказал Николай и поцеловал ее. – Радости тоже только на пользу, если иногда есть и другая сторона, обратная, а то все становится, как бы это тебе объяснить, слишком легким, что ли.

– Слишком легким?

– Да, или... чересчур простым, – продолжил Николай и заглянул ей в глаза, насколько это было возможно в темном салоне такси. – Ты не могла бы для начала перестать все время подпрыгивать. Немного уgomониться, ты не против?

Венчание состоялось в церкви в Ведбеке. В ней его крестили. Николай был великолепен во фраке с белой манишкой. Лулу тоже была хороша, но в ней чувствовалось что-то неловко-неуклюжее. Тело как-то осело вниз, к полу, обычно Лулу была выше ростом. Теперь ей как будто подкрутили ножки, слегка укоротив нижнюю часть туловища.

– Ты случайно не беременна? – прошептала ее мама и обняла Лулу на выходе из церкви.

– Нет, нет, – щебетом же ответила Лулу. – Это была идея Николая.

– Воооот как?

– Вот так!

Придумка Николая заключалась в том, чтобы на свадьбе у невесты было по утыгу на каждом бедре. Чтобы как следует прочувствовать важность момента, как он выразился. Брачная ночь тоже была великолепна. Лулу была под впечатлением от того, как изменился ее двоюродный брат Клаус с момента их последней встречи, и без умолку рассказывала об этом, а Николай, лежавший на ней, отчетливо произнес несколько смешков и скатился вниз.

– Да, в твоей семье есть веселые типы. Но Лулу... – сказал Николай. – Как ты думаешь, им хоть когда-нибудь приходит в голову присесть и задаться вопросом, к чему это все?

– Они задаются, – Лулу энергично кивнула. – Просто быстро, совсем как я. Как пичуги, которые скок-поскок, делая при этом все, что им полагается.

– Ха-ха, – перебил ее Николай и пошел помыться после секса, который был очень даже неплох. – Может, тебе пора начать немного думать, прежде чем открывать рот?

– Это как это? – спросила Лулу.

– Ну, досчитай до десяти, прежде чем что-то сказать.

– Да, но...

– Стоп, Лулу, досчитай сперва до десяти.

– Ладно, ладно, – рассмеялась Лулу. Досчитала до десяти и покатила от хохота. – Какой ты у меня все-таки глупенький! Думаешь, я буду делать, как ты скажешь?

Николай произнес одно «ха» и ответил, что да, и ухнул своим взглядом в нее. – Именно так я и думаю.

Они переехали в Видovre. В небольшой дом. Все так и делают. Если средства позволяют. Их средства позволяли, благодаря тому, что у Николая был диплом по эстетике и современным СМИ. Его взяли делать комиксы, на должность консультанта. Он был своего рода эксперт по Тинтину и быстро сделался одним из начальников, отвечавших за похождения этого персонажа.

– Забавно, ты эксперт по этому Капитану Хэддоку, который не расстается с бутылкой, и этому чокнутому профессору Турнесолю, – смеялась Лулу и ходила по комнате, так что доски пола скрипели.

– Там, помимо этих двух чудиков, множество других моментов, если углубиться в суть дела, – сказал Николай, только что вернувшийся с книжной ярмарки в Бельгии, где велась дискуссия по вопросу о ширине брюк Тинтина в книге «Рейс 714 на Сидней».

– Ты на самом деле считаешь, что обычных людей может это интересовать?

– Можешь не сомневаться, сегодня большинство читателей хорошо образованы и хотят знать подробности о Тинтине. Встань и пройди, Лулу.

– Воскрещаешь меня из мертвых? Да я еще не умерла, – засмеялась Лулу.

– И слава Богу! Просто пройди разок, хочу услышать вес твоего тела.

Лулу прошла по комнате, так что доски застонали.

– Как ты великолепна, Лулу, теперь, когда ты стала поприместнее. Не больно?

Лулу энергично помотала головой.

– Нет, но мне кажется, я не смогу так ходить на работе. Тяжеловато таскать на каждой руке грузы по семь килограммов. Представь, как я буду с ними ставить больному градусник.

– Я уверен, ты справишься, Лулу.

– Да нет, что-то мне так не кажется, – ответила Лулу.

– Стоп, стоп, Лулу, сосчитай до десяти.

Половицы заскрипели, Лулу стала ходить взад и вперед – просто загляденье.

У нее стало входить в привычку – ходить с чужим весом в придачу к своему, как это называл Николай. Лулу очень шло тратить толику своей счастливости на то, чтобы нести груз собственного тела.

Летом они поехали к родителям Николая на дачу на полуострове Тусе Нес, это был чудесный домик, в котором, в общем-то, можно было жить почти круглый год, и родители Николая подумывали перебраться сюда через четыре года, выйдя на пенсию. Тут возникла невероятно смешная ситуация, когда Лулу осталась поговорить с глазу на глаз с отцом Николая. Он хотел знать, что она думает по поводу платков, в которых ходят мусульманские женщины, но ей приходилось всякий раз, прежде чем ответить ему, считать до десяти, поэтому ее ответы то и дело утрачивали актуальность. Отец Николая успел задать десять вопросов, касавшихся этической стороны ношения мусульманками платков к тому моменту, как Лулу разрешила себе ответить на первый из них. Но под конец Лулу просто уже не могла сдержаться. Она вцепилась в рукав свекра и рассказала, что это Николаю пришла в голову такая идея – чтобы она училась успевать сперва подумать, прежде чем ляпнуть.

– Николай хочет, чтобы я думала, прежде чем ответить! Поэтому я отвечаю вам не сразу. Мне каждый раз приходится считать до десяти. Это так прекрасно и забавно.

Папа улыбнулся сказанному, но не нырнул в ее глаза взглядом, как это делал Николай, и, в отличие от сына, отец Николая смеялся, как все люди, хотя смех его был слегка скованным, напоминая наклонный почерк в школьных прописях. Поэтому Лулу подумала, что не станет показывать ему вообще-то довольно забавные свинцовые блоки, закрепленные у нее на поясе.

Тем не менее не оставалось никакого сомнения в том, что между ними возникла своего рода симпатия.

После обеда они гуляли по берегу моря. Николай с родителями шли впереди, погруженные в обсуждение того, что лучше – когда религия есть или когда ее нет. Лулу, отстав, тихонько плелась следом. Она пыталась не отставать, но слишком много весила и вязла в песке. А окликнуть их она не могла, ведь дело обстояло так, что нужно было сперва обдумать, что кричать, и только потом уже кричать. Она видела, как ее ноги зарываются во влажный песок. Ее следы, по сравнению со следами остальных, были гигантскими. Нельзя сказать, чтобы ее это расстраивало. Ведь она была такой счастливой. Просто счастье теперь было тяжеловато тащить на себе. К счастью, семейство остановилось у ларька с мороженым неподалеку, и Николай прибежал к ней.

– До чего ты прекрасна, дорогая. Глядя на тебя, я вспоминаю тот фильм, как его... «Горбатая гора», про двух гомосексуалистов, которые никак не могут обрести друг друга, потому что обществу недостает толерантности. Они скачут верхом, чтобы не чувствовать тяжести себя самих. Точно так же и я чувствую растущую привязанность к тебе, когда ты вот так борешься за каждый свой шаг по жизни.

Лулу ответила ему усталым взглядом. Впервые ей удалось не улыбнуться. Николай был вне себя от радости.

– Ты стала серьезной, милая. Это просто чудесно.

На середине пути

Он как раз праздновал пятидесятилетие, когда все выплыло на свет. Стоял в лучах этого света, готовясь произнести речь.

Дети ползали под столом. Старшее дите и младшее, плюс еще среднее забралось на дерево. Цветы на клумбах. Яблоня в цвету. Весна выдалась, что надо. Все благоухало, как и положено в это время года.

– Дорогая Лоне... Дорогой... папа... дорогие... нет, это невозможно, с чего же начать?

Он улыбнулся, взял салфетку и вытер губы. Тут они захлопали. И он снова стал похож на самого себя. Выдержал небольшую паузу и продолжил:

– Вы все пока еще не в курсе... Не думайте, что я вас не люблю, и поэтому я так... Странная вещь с этими речами. Сначала они раздуваются, наполняемые улыбками и симпатией, но стоит произойти заминке, как они сдуваются, сдуваются и скукоживаются.

Еще секунду назад взгляды гостей, обращенные к нему, были преисполнены ожидания. Они смотрели на него, затем смущенно опускали глаза, чтобы снова поднять их и взглянуть на него. И вот за несколько мгновений настроение резко переменилось. Может, все дело было в том, как он мял в пальцах салфетку? Или в его позе? Или в том, что он ни на кого не смотрел? Смотрел вниз. В самый низ – заглядывая подо все существующее. Гости начали покашливать. Одна из женщин поднялась со своего места – сходить в туалет. Но кто-то усадил ее обратно, «нельзя же просто вот так взять и выйти, когда юбиляр произносит речь...»

Лоне смотрела на него. Что он так силится произнести? Если причина заминки в том, что он теперь предпочитает мужчин, то это уже просто ни в какие ворота не лезет. Она не перенесет еще одного гомосексуалиста. Многие из ее коллег-физиотерапевтов открыто заявляли о своей ориентации. Такая теперь пошла мода. Но Лоне уже сыта геями, еще один – это уже перебор. А как же дети? Толерантность и все такое прочее, это понятно. Но только не Хенрик. Она просто не могла в это поверить. Он всегда клялся, что его заводят сиськи, а вовсе не попки. Это было своего рода страховым полисом, защищавшим от животных проявлений. От всяких эдаких похотей.

Так странно пахнет, подумалось ему. Землей. И листьями. И крошечными зверьками, удирающими прочь, мелькая лапками. И огромными, гигантскими, пустыми глазами.

– Вы не чувствуете странного запаха? – спросил он. – Пахнет чем-то ужасно непривычным, разве нет? Вы не чувствуете? Не чувствуете?

Он посмотрел на своего университетского друга.

– Или это у меня что-то с носом, Эрик? Может, проблема во мне?

Эрик покачал головой.

– Нет, нет, Хенрик, с тобой все в порядке. Ты отличный парень.

Его ноги подкосились. Он медленно упал ничком. Попытался подняться. Но в руках была такая тяжесть. Почти совсем как в тот раз. Но сейчас к нему подбежали Лоне и папа. Он почувствовал прикосновение папиного большого золотого кольца. Они усадили Хенрика на стул.

– Я хочу встать, – крикнул он. – Я не хочу вниз. Мне нужно встать, слышите...

Они отпустили его, и он поднялся на ноги.

– Я должен подняться...

И вот он почувствовал, как похолодела кожа. Тот самый холод, странный, как будто тебя насквозь продувает ветром. Словно кожа была не его, а кто-то ее пришил к телу. И она трепетала на ветру, пришитая не плотно.

– Мне нужно подняться, – повторил он.

– А за каким чертом тебе подниматься? – гаркнул отец, выйдя из себя. – Ты что, возомнил, что мы пришли на юбилей Стриндберга? И ты тут будешь выкаблучиваться, как тебе угодно? Ты недостаточно покурлесил за свою жизнь, счастливчик хренов? Недостаточно?

– Да, папа, – рассмеялся он. – Ты прав. Извини. Только как вам сказать то, что я хочу сказать?

Он пожал плечами. Сильно пахло землей. Глинистой почвой. Почвой, пропитанной водой. Землей, пролежавшей под водой целую сырую зиму. Глинистой почвой, от которой несло минералами, хорошо знакомыми всем, кому довелось в них лежать. Лежать там и бороться.

– Я, наверное, просто скажу все как есть. Я мертв, – сказал он тогда.

Тишина. Взгляды. Бормотание.

– Я мертв, – повторил он. – Я умер, когда мне было восемнадцать. Я уже был мертв, когда мне исполнилось двадцать пять. И сейчас я мертв.

Лоне смотрела на него. Но не произносила ни слова.

– Ты никогда не замечала, Лоне. Это случилось еще до нашего знакомства. Я был женат на женщине, с которой дружил с детства. Она не вынесла произошедшей со мной перемены. В сущности, я вызывал у нее отвращение, так она сказала. Ты стал таким сентиментальным, что даже тошнит, сказала она. Вообще-то меня воротило от тебя с тех пор, как тебе исполнилось восемнадцать. Во все тебе нужно вникнуть, все прочувствовать. Ты никогда таким не был раньше, сказала она, словно зная, что что-то случилось. И правда, случилось. Все потому, дорогая, что умершим необходимо сосредотачиваться на том, чтобы любить. Им на самом деле приходится сосредотачиваться на всем.

– Какого черта ты несешь? – прошептала Лоне.

– Я мертвец. Меня не существует. Был и сплыл. Присутствую в жизни только потому, что каждое утро прилагаю невероятные усилия, выбираясь из нашей с тобой постели, и иду в гостиную, сижу там и делаю дыхательные упражнения. Потом поливаю себя человеческими ароматами и умащиваю всего себя фразами, назначение которых – напоминать нам о том времени и тех делах, которые у нас еще впереди. Я все лью и лью, хватило бы и половины этих парфюмов!

Никто за столом не промолвил ни слова. И только сынишка в кроне дерева что-то напевал, поскольку не слышал ни слова из сказанного. Хенрик отступил на шаг назад, но продолжал стоять.

– Собственно говоря, тривиальная история. Я играл в саду в футбол, мяч перелетел через живую изгородь и выкатился на проезжую часть. Меня сбила машина, и я очнулся на краю леса. Там я лежал. Ощущение того, что все в тебе раздавлено. Я имею в виду внутренние органы. Через какое-то время пошел дождь. У меня было чувство, что он не прекращался несколько дней. Внезапно мне стало не вдохнуть воздух. И земля просела подо мной. Единственный раз я слышал, как какая-то женщина идет по лесу с собакой. Позвякивал ошейник. Собака наверняка учуяла меня. Но она была на поводке. Шли дни. Земля сначала принимает в себя плечи. Потому что они такие тяжелые. Остальное тело последовало за ними, потихоньку. Меня не стало. Я это знал. Но душа не могла уgomониться и все копошилась по кустам вокруг своей брэнной оболочки. Такие дела, твоя песенка спета, приятель, сказал я себе. Но мне не хотелось исчезать. Я не хотел уходить из этого мира. Я был молод, и оставались еще вещи, которые мне хотелось успеть в жизни. Глупо было исчезнуть вот так, поэтому я попытался вернуться. Я молился Богу, Аллаху и всем теням, окружавшим меня. Я же видел, как мое тело понемногу белеет, пустеет все больше, и на него все неприятнее смотреть. И вот однажды ночью я вернулся. Представьте себе, что вы как бы отпираете дверь и входите в свое опустевшее мертвое тело. «Есть тут кто?» Представьте себе, что надеваете собственные руки, как натягивают задубелые перчатки, долго валявшиеся на морском берегу, открываете глаза,

которыми вы уже неделю как не смотрели. Представьте себе распад и разложение, произошедшие за эту неделю. Представьте, что смотрите на ветку дерева через выцветшие, голубые глаза. У меня ушли часы тренировок на то, чтобы начать видеть эту ветку. Мне пришлось напрячь весь свой мозг, чтобы воссоединить его с руками и ногами. Мне потребовались невероятные усилия, чтобы приподняться и сесть, привалившись к стволу. И вот я сидел под деревом, как тряпичная кукла, неспособная поднять голову. Но понемногу я исцелился. Я подумал, что лучшим способом выздороветь будут мечты. И я мечтал и мечтал без конца. О домах у моря. О ладонях, встречающих другие ладони однажды солнечным днем. Мечтал о банальных вещах. И о той самой, единственной. Это помогало, думать о той, единственной. Ожидания живительнее, чем кровь. Я думал о ней день и ночь. И постепенно к моим суставам вернулась способность двигаться, а к нервам – их реакция. После чудовищных усилий выпрямилась шея. Я не имею права разочаровать своих родителей, думал я. **Я НЕ ИМЕЮ ПРАВА РАЗОЧАРОВАТЬ РОДИТЕЛЕЙ.** Мама не переживет, если ты не станешь прежним. Папа совсем зачахнет. И вы, мои друзья... друзья... О вас я думал, заново учась ползать. Листья и холодные колени. Грязь, беспокойство и страх. И тени. Они были там со мной. Они и теперь там. словно крысята, шныряющие за краем поля зрения. Или крошечные существа, маленькие вестники, которые постоянно окликают тебя. И потом вид, открывшийся моему взгляду, когда я месяц спустя наконец сумел доползти до дороги, где меня сбила машина, и сад, и в нем моя любимая. «Ты где был?» – спросила она. «Далеко отсюда», – ответил я, старательно избегая поцелуя. «Мог бы и предупредить», – сказала она и обняла меня. «Слушай, ты же совсем ледышка!» «Да нет», – ответил я. А что мне оставалось? Разумеется, наши отношения не продлились долго. Я был спортивным парнем, до того как все случилось. Она не могла понять причину моей скованности. И потом, эти ночи, когда я не мог уснуть, боясь исчезнуть, и то, как она испугалась, проснувшись и увидев меня спящим с открытыми глазами. И мои ноги, ужасно холодные. «Ты меня любишь?» – спросила она меня однажды. «Любил», – я не мог ответить ничего другого. Но потом я научился лгать. И научился удерживать в теле тепло. Потом пришла пора получать образование, и я отвлекся от вещей, жизненно важных для меня. Я жил, как и все прочие. Запарка, стресс. Усердный и мертвый. Но тебя, Лоне, я действительно люблю. Я могу с уверенностью это сказать, я люблю тебя.

Он взял ее за руку. В глазах у нее стояли слезы. Она кивнула.

– Я тоже тебя люблю.

– Даже несмотря на то, что я не живу?

– Даже несмотря на то, что мертвее тебя не бывает, Хенрик.

– А ты, папа?

– Теперь даже не знаю, – сказал отец и посмотрел на сына с нескрываемым отвращением. – Что скажешь, мать?

– Мама умерла, папа.

– Старая перечница, чего бы и ей теперь тоже не вернуться? – выругался отец и плеснул себе и сыну в стопки изрядное количество шнапса.

Тут захихикал Вернер. К нему присоединился Эрик. Ох уж этот заразительный смех. Смех в летний день. Присутствовавшие за столом застучали ложками по бокалам, скандируя: «Хотим видеть смерть! Хотим видеть смерть! Хотим видеть смерть!»

– Дождитесь своей собственной! – заорал Хенрик, перекрикивая шум. – С меня хватит! Я достаточно подышал! Довольно!

На мгновение запах земли заполнил все. На мгновение Хенрик увидел на месте людей чокующиеся скелеты. Но тут нахлынул аромат цветов и жарящегося на гриле мяса, а вместе с ним появился и аппетит.

Дорта Норс

Дорта Норс выросла в местечке Синдинг-Эрре северо-западнее Хернинга, в котором она родилась в 1970 году. В двадцатилетнем возрасте Норс переехала в Орхус, изучала в местном университете скандинавскую литературу и историю искусств. Дебютировала в 2001 году романом «Соул» о любви Астрид, студентки, изучающей литературу, и Яна, учащегося на теологическом факультете и играющего музыку в стиле соул. После у писательницы вышло еще пять романов, последний из которых – «Первую, поворотник, трогаемся!» – был издан в 2016 году, переведен на 17 языков и номинирован на Букеровскую премию. Дорта Норс стала первым датским автором, проза которого (рассказ «Цапля») была напечатана журналом «Нью-Йоркер» (2013). В 2014 году Дорта Норс получила премию Пера Олова Энквиста. В 2018 году вышел ее новый сборник рассказов «Карта Канады». В антологии представлены два рассказа из сборника «Ребром ладони» (2018).

Застрели мою собаку

Он свистом подзывает собаку, надевает ошейник и оттаскивает ее с опушки чуть глубже в лес, чтобы не торчать у всех на виду. Уже вечер, их с Мортеном разделяет большое заброшенное поле, так что можно спокойно постоять здесь. Мортен ходит там у себя по двору, и рыжая сука не отстает от него ни на шаг. Поджарая, с жесткой шерстью; он всегда держал только такс. Маленьких агрессивных бестий, грызущих все, что сделано из кожи, и автомобильные коврики. А Хенрику маленькие собаки не по душе. Зато, когда они идут на лису, Мортен берет свою таксу, а когда отправляются на фьорд пострелять уток, Хенрик берет малого мюнстерлендера и резиновые чучела уток. Они не раз сидели вместе в жилом прицепе, который фирма «Гартнерен», предоставляющая услуги охотникам, поставила прямо на болоте, пили жидкий кофе из пластмассовых крышек от термосов, вдыхали запах мокрой псины и говорили о том, как это удобно и практично, то, что у Хенрика крупный пес для одного вида охоты, а у Мортена таксы – для другого. Но сейчас он ходит там у себя по двору один, Мортен. В окнах темно, свет горит только в окне на кухне. Он, наверное, забыл его выключить, выходя во двор; собака едва достаёт ему до голенищ сапог. Такое впечатление, что он чинит дверь на веранду – с торца дома. Много теперь чего нужно чинить. Много чему нужно дать перемолотся. Хенрик, к примеру, всегда считал, что виновата во всем жена Мортена, поскольку по ней было видно: не в последнюю очередь ей нравилось в муже то, что в нем было к чему придраться. Мортену, наверное, непросто дался брак с женщиной, во всем искавшей новые горизонты. Она говорила слишком высокопарно, и Мортен, наверное, чувствовал себя очень неловко, когда дети, которым жена преподавала в школе датский язык, говорили, что она «заливается соловьем». Все это заметно и по их дому. Окна поделены на множество секций внутренними рамами, окрашенными в темно-кирпичный, «шведский» цвет. Палисадник обнесен плетеной изгородью, а когдаходишь в дом, все продолжается в том же духе: длинные деревянные столы в гостиной, собственноручно сшитые подушки для стульев, и еще там что-то у них было развешано по стенам, они называли это «фантазийная живопись».

В гостях у Мортена и его жены ты всегда производил впечатление слегка неуместное. В особенности Тина выглядела человеком, который не прочь засунуть руку в тушку утки и извлечь мускульный желудок. Все потому, что она выросла в деревне. Она знала, как вещи в большинстве своем выглядят изнутри. И не обращала внимания на легкий запах, если то, от чего он шел, можно было пустить в дело. Тина охотно всем помогала и делом, и советом, а вот для жены Мортена было важно не упустить свое, извлечь выгоду из всего, что подворачивалось под руку. Вещи должны были иметь дипломы, сертификаты и узнаваться по бренду. Даже собаки Мортена обязаны были иметь родословные и длинные имена, но Мортену это в ней нравилось. К тому же он считал, что она потрясающе выглядит со своей школьной сумкой, светлыми волосами и в блузе лилового цвета. Его грела мысль, что у собак, которых он, чтобы не стать объектом насмешек, называл Мугги, Молли и Сиф, где-то там, не на виду у всех, имелись сложные составные имена. Одну из них на самом деле звали Ариадна Пиль-Нексе. Последнюю часть клички ей дали в честь северо-ютландского заводчика, и Мортен любил рассказывать, сколько за Ариадну Пиль-Нексе пришлось выложить, хотя Ариадна Пиль-Нексе ни разу не сподобилась выгнать лису из норы, и Хенрик пристрелил ее за домом, пока она раскапывала кротовину.

Да, так и положено, думает он и опускает руку, чтобы прикоснуться к своей большой собаке. Опустились сумерки, влажный язык пса лижет ладонь. Хенрик смотрит на своего товарища, с которым они вместе охотятся, смотрит, как тот ходит взад и вперед по двору, теперь у него в руках уже что-то, напоминающее дрель. Собака Мортена тоже ни на шаг не отходит от хозяина. Такое подвижное, маленькое существо, полное инстинктов, но, если копнуть

поглубже, то очень уязвимое и хрупкое, всегда находящееся на грани беспомощности. Эти причудливые узы, связывающие собаку с охотником, связь, для которой, как ему кажется, у него нет подходящего слова, – это все равно, что пописать в присутствии другого, не чувствуя стеснения, настолько этот человек тебе близок, и в этом еще одна причина, по которой охотник сам должен пристрелить свою собаку. Такова жизнь: застрели лучшего друга. Но нужно отдавать себе отчет и в том, что есть вещи, которые выше твоих сил. Именно так Мортен выразился тогда, почти десять лет назад, сидя на кухне, мрачно сказав, что у собаки, которую он держал в то время, рак.

– Нужно очень хорошо знать самого себя, чтобы отдавать себе отчет в том, на что ты способен, а что выше твоих сил, – сказал Мортен. – Если пристрелишь ее, то можешь рассчитывать на меня, когда придет черед твоего пса.

Мортен показал на первую охотничью собаку Хенрика. Она лежала возле батареи и смотрела на него – такой крупный, отличный охотничий пес.

Они условились не распространяться об уговоре, и, как и было решено, Хенрик застрелил больную раком собаку Мортена, а спустя три года Мортен застрелил первую из его собственных собак. Потом очередность нарушилась, поскольку следующая собака Хенрика умерла своей смертью. Однако с собаками Мортена такого не случалось. С его собаками все случалось иначе, но тут нет повода горевать. С точки зрения самой собаки и с точки зрения охотника лучший выход – обойтись одним точным выстрелом. Гораздо больше было бы жаль животное, если бы его запихнули в машину и повезли к ветеринару. Просто выстрел в тот момент, когда собака чем-то увлечена, – это хорошая смерть, он бы хотел, чтобы и его так же пристрелили однажды в тот момент, когда он входит в Тину, когда он максимально глубоко в ней. Он бы никоим образом не возражал, и все же он стоит здесь, на опушке леса, и ему неуютно от того, что Мортен расхаживает там, у себя по двору, и по его виду сразу ясно: жена с детьми ушла. Но громом среди ясного неба это ведь не было. Все годами были в курсе, что его жена такой человек, уже наострила лыжи. Все годами думали, что Мортен выглядит немного жалким на ее фоне, и ведь всегда было так хорошо в этом гартнеревском прицепе, хотя Мортен с годами превратился в законченного хвостуна. Они всегда были хорошими товарищами, но их отношениям не доставало баланса. Сам он ни разу не нарушил данного обещания. Первую собаку Мортена он застрелил, когда она вылезала из лисьей норы. Вторую, когда она забралась на сваленные в кучу рождественские елки. Третья сильно мучилась, у нее были какие-то боли, Мортен с мрачным видом сообщил, что ее сбила машина, но вообще это могло быть и что-то другое. Она была так плоха, что Хенрику пришлось положить ее поровнее, чтобы выстрелить, а еще была собака со смешной кличкой, он застрелил ее за домом. Черед пятой пришел в саду, когда жены Мортена не было дома, теперь это была шестая, бегала по двору за Мортемом, как привязанная. Мужчина и его собака в наступивших сумерках, но было и еще кое-что. Ему пришлось примириться с этим. Теперь внимание, ибо дело обстояло вот как: было что-то такое у Мортена внутри, что боялось и избегало света. Какая-то разновидность комплексов, как утверждала Тина. Хенрик не знал, что это было. Так же, как не знал, какими словами это можно назвать, разве что оно пахло гниющим мясом на скотобойне, и этот запах был заразен, как вирус.

Чувство полета

Уже год, как Аллан съехал, и мы так и не завели ребенка, хотя оба вполне могли иметь детей. Однажды он сказал мне, что ему кажется: я точь-в-точь те крепости, которые он строил из соломы, когда был маленький. Внутри такой крепости было место, где можно было сидеть, есть печенье и пить сок, слушая, как шумит комбайн на одном из полей вдалеке. То же самое для него быть со мной, сказал Аллан. В другой раз он сказал, что я напоминаю ему о собачьей конуре, такая была у его отца. Когда Аллан был мальчиком, он часто залезал в конуру и сидел там вместе с дратхаром. Там было уютно, и он иногда представлял себе, как бы все было, если бы к нему вдруг залезла какая-нибудь девочка. То есть как бы это была я, и он не имел в виду меня обидеть.

Аллан работал инженером в компании «Вестас» и ездил за границу на ветряные электростанции в качестве консультанта и специалиста по ремонту ветрогенераторов. Когда он возвращался домой, ему казалось, что для меня будет слишком сложно, если он начнет рассказывать о своих переживаниях и о том, что видел. Он говорил о гигантских пространствах, превосходивших все, постижимое уму, и я кивала, но это его раздражало. Однажды на Рождество я подарила ему цифровой фотоаппарат, чтобы он мог присылать из поездок фотографии по электронной почте. Так я бы лучше поняла, что с ним там происходит, идея была в этом. У меня до сих пор хранятся на компьютере фотографии с Алланом на фоне разных заграничных достопримечательностей. На одном из этих снимков, которые я храню сама не знаю зачем, Аллан стоит рядом с ветряной турбиной, все еще лежащей на земле. На заднем плане можно различить величественный пейзаж с елями и скалами, он постепенно размывается, приобретающая очертания бесконечности. Снимок сделан в Долли Содс, в Западной Вирджинии, Аллан вернулся оттуда каким-то притихшим.

Не знаю, как долго он вынашивал эту мысль, но однажды вечером, когда мы закончили ужинать, он сказал, что пускай дом остается мне, никаких проблем, просто так получилось, что ему необходимо переехать. Дело не во мне, это не со мной что-то не так, скорее, причиной всему – ощущение пустоты внутри и вокруг него. Он взял две спортивные сумки и сложил в них одежду. Собаку тоже забрал, он решил пока пожить у родителей. Я отдавала себе отчет в том, что речь идет не о перерыве в отношениях, а о чем-то бесповоротном, и все-таки вышла из дома проводить его и махала рукой, когда он выезжал задним ходом с участка. Особенно мне запомнилось, как выглядела входная дверь, в тот момент, когда я повернулась, чтобы зайти обратно в дом. Каким был свет от лампы, падающий на отделку стен, ручка двери и прочие такие вещи.

В первые дни после того, как он съехал, я ничего не могла делать, я сама была не своя. Когда звонила мама, я не упоминала, что мы больше не живем вместе, наоборот, отвечала на ее вопросы, рассказывала, как мы поживаем и что делаем. Чтобы не вдаваться в подробности произошедшего, я предоставляла говорить ей, а сама в этот момент смотрела в окно на живую изгородь. Она все никак не хочет становиться густой и пышной, и я посадила лук по всей ее длине, чтобы помочь ей в этом, но в ноябре от лука никакой радости.

Моим времяпрепровождением было бродить и ждать, когда во мне что-то случится в ответ на произошедшее, но ничего не случалось, и лучше всего время проходило, когда я сидела за компьютером. В Сети нетрудно найти информацию о местах вроде Долли Содс, и я отчетливо видела, насколько эти края величественны, красивы и труднодоступны. В Долли Содс есть места, где до сих пор не ступала нога человека. Расстояния и глубины завораживают своими масштабами, и я представляла себе, как Аллан стоял там, положив руку на ветряную турбину. Я не плакала. Не плакала даже тогда, когда рассказала обо всем маме с папой. Я пер-

вая же и объяснила им, что это наилучшее решение, и мои слова прозвучали так, словно я и сама тоже к нему пришла.

Мама была очень разочарована, но, на ее взгляд, было здорово, что я держалась молодцом. И так это и было. Это я слышала и от коллег по работе: прекрасно, что я нашла в себе силы со всем этим справиться. На Аллана это тоже произвело впечатление, и мы быстро нашли нужный тон, каким разговаривают друг с другом старые приятели, – особенно когда он мне звонил. Мы даже смеялись, и мне было слышно в трубке, как его голос звучит все более жизнерадостно. Месяца три спустя после того, как он съехал, он позвонил как-то вечером и рассказал, что его скоро пошлют в Турцию. Ему там на каком-то плато предстояло монтировать новые генераторы. Я сказала: «Здорово, это очень интересно». Он ответил: «Я тоже рад, что еду». Несколько секунд он молчал, потом сказал, что очень благодарен мне и рад тому обстоятельству, что я так спокойно все приняла.

Потом я сидела на кухне. Разглядывала нашу с ним пробковую доску для всякой всячины и магнетики на холодильнике. Включила кофеварку и смотрела, как в чашку течет струйка кофе. Снова села за кухонный стол. Выпив кофе, я почувствовала, как во мне нарушился привычный ряд ощущений. У меня было ощущение какой-то избыточности кофейного вкуса, и такой же вкус был у лимонада, лакричных конфет, кленового сиропа и греческого йогурта, который я съела потом. Я не находила себе места. Ни на чем не могла сконцентрироваться, и единственное, что помогало, – что-нибудь пожевать. Но каждый раз, когда я что-то съедала, этого оказывалось недостаточно. Приходилось отправлять в рот изюмину или что-то в этом роде. Я была не в состоянии себя контролировать, и ночью легче не стало. Я бродила по дому и думала о винограде и всяком таком, а я никогда не относилась к людям, которые могут позволить себе есть, что вздумается. Часа в два ночи мне подумалось, что, может, на воздухе мне станет лучше. Я дошла до того места, где заканчивались дома, и стала смотреть на луг. Там тек, извиваясь, Большой Ручей. Трава была покрыта инеем. И тут я разрыдалась.

Рыдания поднялись откуда-то снизу, из области, о существовании которой в моем теле я не подозревала, и это причиняло боль. Чтобы не дать боли утихнуть, я стала фантазировать, как сожрала всю траву, всех коров и птиц. Я мысленно представила себе, как запихиваю в рот поле, крутой берег речушки, саму речушку и заедаю их землей. Я пихала в желудок все подряд: колокольни церквей, стога, силосные башни и иже с ними. Лесопосадку на другом берегу речушки и плац для строевой подготовки напротив казарм. Под конец не осталось ничего, кроме меня самой и поросшей травой кочки, на которой я стояла, пытаюсь удержать равновесие. И еще огромная мельница NM72C – ее я есть отказалась, а себя тоже никак не съешь, поэтому я отправилась домой.

На следующий день было воскресенье, и я поехала проведать маму с папой. Взяла с собой саяк и венских сдобных булочек, и пакет с журналами, которые мама давала мне почитать. Она заметила по моему виду, что я не выспалась, но о причинах расспрашивать не стала. Вместо этого мы заговорили о муже моей сестры и детях. Еще коснулись жены одного из моих братьев, поскольку никто не может найти с ней общий язык. Об Аллане тоже шла речь, говорили, что он-то совсем другое дело. Он им нравился, все ведь могло пойти иначе, будь у нас дети. Я сказала, что ему нужно на какое-то время по работе уехать в Турцию. Мама ответила, что все это как-то странно, такая жизнь в постоянных командировках, я кивнула, а папа нашел в газете рекламу, которую непременно хотел мне показать.

Когда мне исполнилось шестнадцать, я сказала маме, что не уверена, хочу ли я иметь детей, когда вырасту. Есть и другие вещи, помимо детей, которые ты можешь взять от этого мира, сказала я. Маме и самой, должно быть, знакомо это чувство, потому что тетя рассказывала мне, как мама плакала, узнав, что у нее буду я. Но мама никогда не помнила того, о чем она не хотела помнить. Она тоже была рада, когда я пришла домой и заявила, что познакомилась с Алланом. Маме всегда было трудно угодить подарком, но, если уж ей досталась какая-

то вещь, ей даже в голову не придет ее выбросить. На чердаке полно старых газет, мусорных мешков, набитых ношенными вещами, предметов мебели, ширпотребных романов, сувениров, мотков шерсти и комнатных растений, которым просто нужно тут перезимовать. В детстве я была уверена, что, если когда-либо мне будет угрожать что-нибудь нехорошее, я спрячусь там, наверху. Там меня невозможно будет обнаружить, и каких только убежищ я себе там не устраивала. Ковры и покрывала свисали с балок, в полиэтиленовых пакетиках для завтраков было навалом размякшего печенья. Фляжки с соком – если открутить крышку, от горлышка всегда шел кислый запах. И укромный уголок под транзисторным приемником, который постоянно терял нужные частоты, и его нужно было заново настраивать, и можно было фантазировать, как ты бежишь босиком, продираешься сквозь живую изгородь, бежишь все дальше и дальше, и тебе наплевать, что ты наступаешь в коровьи лепешки, наплевать, дернет ли тебя в итоге током от ограды загона, все вниз и вниз – к речке и дальше, на противоположный ее берег, и я ощущала, когда мы сидели там, у родителей, и пили кофе, что оно все еще есть во мне: чувство полета.

– Есть и другие мужчины, – сказала мама и, едва заметно улыбнувшись, посмотрела на меня поверх булочки.

– Да, – сказала я, и папа передал мне кофейник.

Возвращаясь домой, я чувствовала пустоту в голове, и мне захотелось еще поплакать. Разными способами я пыталась вскрыть образовавшийся нарыв, но у меня ничего не вышло. Я даже пыталась думать о Долли Содс в Западной Вирджинии и о не смонтированном ветряном генераторе. Это не помогло, и мысли о Долли Содс, собственно, привели единственно к тому, что я сильнее вдавила в пол педаль газа. Долли Содс – это же по большей части дикие места, откуда огромные массы воды текут и впадают в Миссисипи, разделяющую Штаты пополам. Так я думала, совершая поворот за поворотом. Долли Содс – огромная территория, и до недавнего времени там никто не жил. Жившие в удаленных ее уголках люди испытывали страх. Они считали, что это злополучный край, в котором полно дикого зверья и глубоких ущелий. Рассказывали истории про охотников, которые слишком углублялись в Долли Содс, и больше их никто не видел. Вернувшись и поставив машину под навес, я какое-то время сидела в ней. Думала о том, что могу куда-нибудь поехать. Я все еще принадлежу сама себе. Мне не нужно ни у кого спрашивать позволения. Я без проблем могу отправиться в США и взять напрокат машину. Могу поехать напрямик в Долли Содс и оставить машину там, где начинается этот край. Я могла бы установить фотоаппарат на капоте машины и сфотографировать себя; в трекинговых ботинках, белой футболке и солнцезащитных очках – могла бы выглядеть, как другие выглядят на своих фотографиях.

Я заглушила двигатель и откинула голову на подголовник сиденья. Дала себе обещание, что сделаю это. Я сидела в машине, смотрела в зеркало заднего вида и обещала себе не отказываться от этой идеи.

Питер Хег

Самый известный русскому читателю современный датский автор Питер Хег родился в 1957 году в Копенгагене. В 1984 году закончил Копенгагенский университет по специальности литературоведение. Помимо преподавания в университете Оденсе и написания книг, Питер Хег какое-то время был танцовщиком, работал с театральной труппой в Танзании, основал фонд помощи женщинам и детям стран третьего мира. Целый ряд его произведений переведен на русский язык: начиная с дебютного романа «Представление о XX веке» и заканчивая книгой «Дети смотрителей слонов». Всемирную известность Хегу принес роман «Смилла и ее чувство снега», в том числе благодаря нашумевшей экранизации Билле Аугуста, вышедшей на экраны в 1997 году. Питер Хег – лауреат многих литературных премий, большинство из которых, правда, относятся к 1990-м гг.: Премия газеты «Викендависен» (1988), Датская литературная премия критиков (1993), премия «Стеклянный ключ» (1993), вручаемая за лучший скандинавский детектив. В антологии представлено начало нового романа Питера Хега «Твоими глазами».

Твоими глазами Фрагмент романа

Часть первая

* * *

О существовании этой клиники я впервые услышал, приехав в больницу Ньюкебинг-Зеландия, куда после попытки покончить с собой попал Симон. Мои родители в свое время усыновили его, и мы с ним выросли вместе. Это была его первая попытка совершить самоубийство.

Симона поместили в отдельную палату. Когда я вошел, он сидел в кровати, в белой больничной футболке, и его голова выглядела непропорционально большой.

Из-за нее он был похож на двухлетнего ребенка.

Его настоящая мать как-то рассказала мне, что роды протекали тяжело, в основном из-за размеров головы.

И вот теперь она словно еще увеличилась в размерах.

Брат был женат, у него уже были дети и полжизни за плечами. Его фигуру можно было назвать спортивной, он тягал «железо» и занимался бегом. И потом я сам слышал от многих, что он человек с обаянием и харизмой. Но в ситуации, в которой он оказался, здесь, в больнице, складывалось впечатление, как будто все эти тренировки и черты его характера служили панцирем, защищавшим того, кем он был на самом деле. А был он маленьким ребенком.

Мы разговаривали вполголоса. О том, что он помнит из случившегося за последние несколько дней. Набралось не так много. Он выпил две бутылки спиртного, проглотил сотню таблеток парацетамола и сел за руль.

Он говорил с тихим, потрясенным достоинством.

Такой близости между нами не было с тех пор, как мы были детьми.

И в этой близости ко мне пришло понимание. Оно не выражалось в словах, они появились позднее; скорее, это было физическое ощущение: я понял, что в его поступке был смысл. Что попытка покончить с собой была попыткой ребенка сломать панцирь и таким образом обрести контакт с миром. И для этого ребенка было исключительно важно не оказаться взаперти снова.

Потому что в таком случае будет еще попытка. И она удастся.

Через полчаса появилась медсестра и сказала, что брату нужен отдых.

Она проводила меня по коридору.

– В рубашке родился, – сказала она.

В каком-то смысле было поразительно слышать такие слова. В адрес человека, который пытался покончить жизнь самоубийством.

– Он выжил после всех этих таблеток и алкоголя и не погиб в аварии. Полицейские говорят, что, по словам очевидцев, машина кувыркалась с откоса, потом проломила изгородь, снова встала на колеса, оказавшись на поле, откуда он затем опять выехал на дорогу. И после всего этого остался в живых. И после парацетамола. Такая концентрация этого медикамента в крови обычно приводит к очень серьезным повреждениям печени, человек вполне может от них скончаться. Но даже с этим его организм, похоже, справляется. Да, мы не можем сказать, что его

жизнь вне опасности. Но мы верим, что он выдержит. В каком-то смысле он выжил трижды. В рубашке родился.

* * *

Мы выросли вместе в Кристиансхавне, в те годы, когда это еще был район для бедных.

Мне было пять лет, а ему четыре, в тот день, когда я впервые увидел его – на площадке за Церковью Кристиана. Мама часто водила меня туда по воскресеньям, там были песочницы и скамейки, и дикий виноград, и солнечные лучи на серых стенах, и тишина.

С некоторыми людьми, играющими в нашей жизни – до самого ее конца – важную роль, так получается, что мы помним момент первой встречи. Возможно, потому что первый взгляд обладает пронизательностью особого рода. Может, причина в том, что мы ничего не ожидаем друг от друга, и встрече не предшествует никакая история, поэтому все покровы могут оказаться сброшенными, и во время такой встречи происходят вещи, для которых еще не придумали слов.

Я помню кожу его щек, румянец. Волосы, постриженные машинкой. Взгляд, которым он смотрел на меня и мою маму, – настороженный и вместе с тем совершенно искренний.

Мы играли вместе, и в какой-то момент до мамы дошло, что он там с сестрой без родителей. Двое детей, ему четыре, девочке два, были без присмотра.

Мы проводили их до дома, и, хотя мама ничего не сказала, я видел, что она за них тревожится.

Они жили на Вильдерсгаде, в одном из домов в глубине двора. Их мать открыла дверь, я заметил, что моя в легком шоке.

С того дня мы старались видеться с ним как можно чаще, он нередко приходил к нам в дом, часто со своей сестренкой Марией.

Иногда им разрешалось остаться у нас на ночь. Процедура была следующая: мы спрашивали позволения у мамы, она соглашалась и шла на Вильдерсгаде спросить, не против ли их мать, у той не было телефона.

Она растила их одна, зарабатывала уборкой по ночам, а днем спала, пока кто-нибудь из соседей приглядывал за детьми.

Иногда моей маме не хотелось ее будить, тогда она просто оставляла записку.

Мы с Симоном спали в моей кровати, Марию клали на матрас на полу. Он очень заботливо укладывал ее, хотя сам был еще таким маленьким. После того как моя мама желала нам спокойной ночи, выключала свет и закрывала дверь комнаты, он слезал на пол к сестренке. У нее была тряпичная кукла, которую она никогда не выпускала из рук; он говорил что-нибудь кукле и поправлял на Марии одеяло, под конец всегда произнося: «Если что, я тут рядом».

Потом забирался ко мне, и мы лежали рядышком и тихонько болтали в темноте.

Через какое-то время его шепот начинал чередоваться все более длительными паузами, а потом настаивал момент, всегда на выдохе, когда он проваливался в сон.

А я лежал в темноте и чувствовал, что должен приглядывать за ним. Как будто он был моим младшим братиком.

Он заботливо приглядывал за Марией. Она приглядывала за куклой. Я пытался приглядывать за ним. Мои родители старались приглядывать за мной. Мама Симона и Марии тоже приглядывала за ними. И соседи.

Мир в том числе и таков тоже. Он состоит не только из войн, жадности и истребления редких видов животных. Помимо этого, существуют цепочки людей, пытающихся заботливо приглядывать друг за другом.

На следующий день я снова пришел в больницу навестить Симона.

Он уже начал замыкаться в себе.

– Вчера, – сказал я, – все было так, словно мы вернулись в детство, к началу, у тебя не было такого ощущения?

– Да, – сказал он. – Нет. Может быть.

Та же медсестра, что и накануне, попросила нас закончить разговор, вышла со мной в коридор и закрыла дверь палаты.

– Мы вместе выросли, – объяснил я. – Но потом у каждого началась своя жизнь. И вот теперь снова встретились. У меня такое желание – оказаться внутри его тела, помочь ему не упустить главное, подсказывать ему: «Смотри, вот об этом и этом ты не имеешь права забыть».

– Я видела подобное, – сказала она. – Видела, как один человек показывал вот так другому на вещи – изнутри. Я тогда проходила практику в одной клинике, успела проработать всего неделю, не помню, как точно она называется, все называли ее «Клиника В Конце Пути». Это к югу от Орхуса, у моря. Она находится в ведении университетской больницы. У меня где-то записан номер их телефона.

Она так произнесла это, что я сразу понял, это судьба.

Медсестра куда-то ушла и вернулась с номером.

– Заведущую зовут Лиза, – сказала она.

Я уже знал, какое имя она сейчас произнесет, знал еще до того, как оно прозвучало.

* * *

По номеру телефона я отыскал адрес, это оказалось чуть севернее музея Моэсторд, в здании, где располагались несколько кафедр, относившихся к Медицинскому факультету. Напротив номера нужной мне клиники было написано: «Кафедра нейропсихологического формирования образов».

Я набрал номер и услышал голос совсем молоденькой девушки.

– Мы не записываем на прием в частном порядке, – сказала она.

Я выжидающе молчал. Я знал, что судьба уготовила мне поездку в это место.

– Два раза в год мы проводим день открытых дверей для всех желающих, – сказала она. – Ближайший – в эту среду.

Нужно было свернуть с трассы Орхус – Оддер и несколько километров ехать через густой лес, растущий на мореновых холмах. После этого дорога сворачивала к морю и выходила на открытое место. Большое бетонное серое здание стояло на склоне, спускавшемся к воде.

Здание строили явно не из расчета принимать тут посетителей, у него был интровертный облик типичного исследовательского института.

Нигде никаких табличек. За конторкой при главном входе сидел вахтер. За спиной вахтера открывался длинный коридор, по обе стороны которого были видны открытые двери офисов и лабораторий.

Я объяснил, что мне нужно в отделение нейропсихологического формирования образов. Вахтер смерил меня внимательным и задумчивым взглядом.

– Тогда вам к приветливым девушкам на цокольный этаж, – сказал он.

В его тоне послышались нотки, смысла которых я не разобрал: смесь юмора, любезности и бдительности.

Я обошел здание кругом. Поскольку оно стояло на крутом склоне, то, свернув с основной дорожки, приходилось спуститься по лестнице, чтобы попасть на нижний этаж. Создавалось впечатление, что спускаешься в глубокий подвал. При этом наклон ландшафта был таким, что окна отделения, выходявшие на море, располагались на уровне обычного первого этажа.

Дверь открыла женщина в белом халате. Она протянула мне руку и сказала, что ее зовут Лиза.

Несколько секунд я не мог стряхнуть с себя оцепенение, она терпеливо ждала. Потом я пожал ее руку и представился. В ее лице не мелькнуло и тени узнавания.

Она совершенно не изменилась с того дня, когда я видел ее в последний раз, нам обоим было тогда семь лет.

Конечно, такого быть не могло, но именно таким было ощущение. Как будто она ни капли не изменилась с тех пор.

Я испытывал подобное раньше, рассматривая детские фотографии людей, которых я знал взрослыми. Отчетливое ощущение, что это один и тот же человек, тогда и теперь. Словно процесс, который мы называем развитием, заключается главным образом в разворачивании того, с чем мы пришли в этот мир.

Или в том, что мы лишены возможности развернуть данное нам.

В ней присутствовало то же самое редкое сочетание, что и тогда – волосы, настолько светлые, что казались почти белыми, и кожа, темно-коричневая от загара.

Я подумал, что она, наверное, много времени проводит на воздухе.

Однако она настолько была загружена работой, как я выяснил позднее, что на солнце находилась не больше двадцати минут в день, выходя из клиники пообедать со своими ассистентами.

Ее волосы были стянуты на затылке. У корней волос был виден шрам, огибавший лоб и уходивший над левым виском к затылку.

Нас было восемь человек, приехавших посмотреть на институт, она попросила нас сказать несколько слов о себе. Среди присутствовавших были врач, психолог, двое студентов, два пенсионера, школьный учитель и я.

Мы сидели на стульях, расставленных вдоль стены в зале с большими окнами, из которых открывался вид на море.

Потолки были на удивление высокими, наклон ландшафта давал такую возможность. В этом помещении можно было бы сделать второй этаж, потому что потолки были выше шести метров.

В подлокотник каждого стула был вмонтирован небольшой столик, на котором лежал предмет, внешне схожий с парой простых очков в тонкой оправе, какие обычно предназначаются для чтения.

В центре комнаты стояли три кресла, два из них пустовали, в третьем сидела кукла, что-то вроде манекена.

На кукле был белый халат. На макушке закреплен предмет, напоминавший фен-шлем для сушки и укладки волос.

Куклу и ее кресло окружал обруч диаметром почти два метра, смонтированный из толстых пластиковых труб.

Лиза нажала на кнопку, снаружи задвинулись ставни, после чего с внутренней стороны опустились не пропускающие свет шторы. С двух сторон выехали створки, которые, сомкнувшись, образовали стену высотой от пола до потолка, окна исчезли за ней. Стена была довольно толстой, может, сантиметров тридцать, и в ту секунду, когда она сомкнулась, зажегся верхний свет.

Лиза подошла к креслу, на котором сидела кукла, и прикоснулась к трубам.

– Это аппарат МРТ.

Она положила ладонь на шлем.

– Электроэнцефалограф. Измеряет электрические колебания в мозгу. Пациент сидит в кресле, там, где сейчас кукла. – Она коснулась клавиатуры компьютера, стоявшего рядом с креслом, в котором она сидела, и свет стал приглушеннее. – Я попрошу вас надеть очки.

Мы надели. В оправу было вставлено обычное стекло без диоптрий, в визуальном поле не произошло никаких изменений. За исключением того, что в обоих стеклах, напротив зрачка, обнаружилась крошечная черная жемчужинка или стеклянная бисеринка, размером не больше булавочной головки.

– Эти очки обладают своего рода 3D-эффектом.

В темноте в одном из двух пустующих кресел рядом с куклой выросла фигура, она вся была соткана из голубовато-белого света.

– Мы собираем результаты измерений, обрабатываем их, придаем им графический облик и пропускаем через голографический проектор. Мы сейчас наблюдаем это все в записи.

Голограмма воссоздавала контуры обнаженного мужчины, гениталии и лицо были размыты, так что нельзя было точно определить, мужчина это или женщина, в остальном силуэт был очень жизнеподобным. Сквозь почти прозрачный кожный покров можно было увидеть внутренние органы, за ними угадывались кости скелета. За черепными костями был виден мозг.

Она нажала на кнопку.

– МРТ позволяет сделать 50 снимков в секунду, так называемые срезы. Плюс ЭЭГ, регистрирующая электрические колебания в мозге. Каждой амплитуде мы присваиваем определенный цвет.

Внутри черепа и вокруг головы световой фигуры появились пульсирующие разноцветные волны.

– Теперь добавим к этому данные, полученные в результате измерений электромагнитной активности во всем теле и вокруг него.

Цветовые узоры проступили по всему телу и заполнили пространство рядом с ним.

– Мы замеряем пульс, артериальное давление и степень проводимости кожи. Все данные получают визуальную форму и свой цвет.

Разноцветный клубок становился все более плотным, а игра красок и движение вокруг светившейся голубым светом фигуры делались все более интенсивными. Мы сидели напротив человека, состоящего из света и охваченного пульсирующим кольцом всех цветов радуги.

– Таким образом, клиент, сидящий в кресле, там, где сейчас сидит кукла, видит перед собой трехмерную карту своего организма как биосистемы, при этом данные ежесекундно обновляются. Подобные сканирования и измерения проводятся каждый день в большинстве крупных больниц. Все, что мы сделали, – это для начала объединили результаты измерений, перевели их в графический формат и пропустили через голографический проектор.

Она сделала несколько шагов в сторону светящейся фигуры.

– С клиентом, запись данных которого мы вам демонстрируем, три года назад произошел несчастный случай, очень серьезный. С тех пор он не может работать. Его обследовали психиатры и неврологи. И не смогли ничего обнаружить. По его словам, теперь, после пережитой трагедии, он чувствует, как тело парализует в ситуациях, когда ему нужно брать на себя ответственность за других людей. У него ощущение, что весь организм стал серой и бессильной массой. Данное ощущение мы закладываем в голограмму.

Ее пальцы пробежали по кнопкам, и мускулатура фигуры приобрела сероватый оттенок.

– Еще он рассказывает, что в такие моменты он перестает чувствовать область грудной клетки и сердце как физический орган. Это мы тоже отображаем на голограмме.

Она нажала на кнопку, цвет в области груди и сердца потерял насыщенность.

– Он говорит, что мысли лишают его контроля над собственным телом.

Цветные волны, пульсирующие вокруг головы и идущие вниз, изменили характер.

– То, чем мы занимаемся здесь, представляет собой новое слово в медицине. Мы настраиваем диалог между ощущениями клиента от собственного организма и данными, полученными при помощи наших аппаратов и датчиков и отражающими состояние его биосистемы. Когда

он описывает хаос, который он переживает внутри себя, воскрешая в памяти момент своего столкновения с ним, мы видим, как меняется амплитуда электрических волн в его мозгу. Как меняется обмен веществ. Меняется все: сердечный ритм, артериальное давление, количество вырабатываемых гормонов, проводимость кожи. Мы не знаем, по какой причине это происходит. Но придавая этим измеримым изменениям графическую форму при помощи светового дисплея и окрашивая их в соответствии с ощущениями, клиенты – с нашей помощью – сами создают карту, позволяющую им глубже заглянуть в себя, чем это в принципе было возможно без нее. Потом, сидя напротив самих себя, принявших облик трехмерной картинки, они вместе с нами могут оказаться внутри этой карты. По ощущениям. Как будто тело и сознание начинают становиться прозрачными. Доступными.

Она обошла светящуюся фигуру и остановилась позади нее.

– Этот пациент дважды пережил трагедию. С интервалом в несколько лет. Мы произвели измерения в случае с обоими происшествиями, и закономерности, зафиксированные нами, указывают на тесную взаимосвязь между двумя этими эпизодами. В этом преимущество аппаратуры. Она позволяет нам увидеть взаимосвязи и повторения, позволяет увидеть типичные черты. Еще до того, как они достигают сознания. Мы видим характерные черты, для выявления которых при помощи обычной психотерапии понадобилось бы много времени. И которые, возможно, вообще не удалось бы обнаружить. Теперь мы сможем помочь этому мужчине локализовать в себе полученные травмы, снять создаваемое ими напряжение, избавиться от некоторых из них. Травма – это не то, что случилось с нами когда-то. Она продолжает жить в нас и сейчас, не покидая нас ни на секунду.

Она нажала на кнопку, проектор немного погудел и выключился, голубые очертания фигуры потеряли четкость, а потом исчезли. В комнате стало совсем темно.

Она продлила темноту еще на минуту, прежде чем включить свет.

Дело было не в том, что она хотела произвести на нас впечатление. Она просто дала нам время вернуться к обычному, окружавшему нас миру.

Свет зажегся как в кинозале после сеанса – постепенно становясь все ярче.

Раздвижная стена, а за ней и светонепроницаемые шторы плавно вернулись на свои места. Снова стало видно море.

– И у людей хватает выдержки смотреть на такую карту самих себя?

Это спросил врач.

– Мало у кого хватает. Во многих пациентах, проходящих психиатрическое лечение, страдание сидит так глубоко, а их личность так уязвима, что даже не ставится вопрос о возможности раскрыться и заглянуть внутрь себя. Речь идет о том, чтобы спрятаться в «домик» наиболее эффективным способом. И среди нас, психически здоровых людей, большинство не заинтересовано во встрече с собой.

– Почему?

Какое-то время она тщательно обдумывала ответ.

– Наш мир – это поток, стремящийся наружу последние 500 лет. Каждый шаг внутрь себя означает движение против течения.

Один за другим слушатели поднялись со своих мест и, выходя, пожали ей руку.

В конце концов мы остались в помещении одни.

– У меня есть брат, неродной, родители усыновили его, когда он был ребенком, – сказал я. – Он пытался покончить с собой. Я боюсь, что он предпримет еще попытки и добьется своего. Хотя в нем есть что-то, глубоко внутри, что-то, не желающее умирать. Вы могли бы помочь вытащить это наружу.

Она покачала головой.

– У нас очередь на несколько лет вперед. Нужно, чтобы его лечащий врач направил его к психиатру или в Центр функциональных страданий, а оттуда его перенаправили к нам. Но и в этом случае лишь немногие находят в себе мужество согласиться, когда доходит до дела.

– Я боюсь, что он умрет.

Она открыла передо мной дверь.

– Наши ресурсы ограничены. Спасибо, что пришли.

Этой ночью я не мог заснуть. Часа в четыре утра я встал, вышел на улицу и сел за руль. Машин в этот ранний час не было. В пять я добрался до института. Свернув с шоссе к зданию, я проехал мимо черного фургона, стоявшего с выключенными фарами.

Я принес из машины плед, сел спиной к окну и стал смотреть, как солнце поднимается над бухтой.

Вахтер, тот самый, которого я накануне видел за стойкой на входе, обогнул здание и приблизился ко мне. Я объяснил, зачем я здесь, он попросил показать удостоверение, я предъявил ему водительские права. Он отошел, предоставив меня самому себе.

Вскоре после этого подошли двое полицейских, которым я тоже предъявил удостоверение личности, и они удалились, как и вахтер.

Лиза появилась час спустя. Она остановилась и несколько секунд смотрела на меня, потом села рядом.

Мы сидели так минут, может, пять, что не так и мало для двух чужих друг другу людей, молчащих вместе.

Для нее я был чужим.

– Есть еще какая-то причина, по которой вы здесь, – сказала она. – Помимо брата.

Она сказала это, не желая спровоцировать меня. Просто констатировала факт, который был ей очевиден. Словно меня было видно насквозь, как светящуюся объемную фигуру.

Что-то подсказало мне, что ответ я сейчас не то, что нужно, – и приоткрывшаяся между нами дверка закроется, так же, как закроются для меня и двери самого института.

– Есть вещь, которую я всегда искал, – ответил я. – Я пытался найти подлинные встречи. Между людьми. Они очень редки. И длятся очень недолго. Часто мы даже не успеваем заметить, что такая встреча состоялась. Мы не знаем, что делать, чтобы эти встречи повторились. Впервые в моей жизни такие встречи стали происходить, еще когда я был маленьким. Все началось со встречи с Симоном, которого мои родители взяли в нашу семью. Потом был еще один человек. Девочка, я встретил ее в детском саду.

Она медленно поднялась на ноги.

– Я работала с несколькими великими врачами, – сказала она. – Еще когда была студенткой. С психиатрами и терапевтами. В Дании и за границей. Это были люди, у которых в общей сложности обследовалось 50 тысяч пациентов. Я задавала этим светилам один и тот же вопрос: что заставляет людей обращаться к вам? В чем причина их страданий? Они объяснили мне, что пациенты говорят одно и то же. Твердят, что лишены подлинного контакта. Я основала эту клинику, чтобы попытаться выяснить, что разделяет людей. Что препятствует встрече. Что нужно, чтобы люди увидели друг друга.

Она открыла дверь.

– Через неделю у нас подробная информационная встреча с пациентами, вы можете подъехать?

Вопрос был брошен мимоходом. Меня снова проверяли. Любая ошибка с моей стороны – и больше я ее уже не увижу.

Я кивнул.

Выезжая с парковки, я опять заметил полицейских.

* * *

Я живу неподалеку от мамы моих девочек.

В тот вечер я постучал в ее дверь. Уже смеркалось.

Бросив на меня взгляд, она отступила в сторону, прочтя в моих глазах немой вопрос – можно ли на минутку увидеть дочек.

– Они спят, – сказала она.

Я вошел в спальню и присел на один из стульев возле их кровати. Прислушался к их дыханию.

Рождаясь, мы кричим и вдыхаем в себя воздух, а умираем, испуская дух. Дыхание – тонкая ниточка, соединяющая события, которые происходят в нашей жизни. Моя младшая совсем не кричала, появившись на свет. Роды прошли так тихо, так спокойно, она просто-таки выскользнула наружу, акушерка положила ее на теплое полотенце, и она заснула. Без присутствия этим минутам крика.

Мать моих девочек села рядом со мной. Так мы и сидели, не произнося ни слова.

Младшая рассмеялась во сне. Искристым, искренним смехом. Как будто пузырьки побежали вверх в бокале с шампанским.

Это случалось довольно часто, наверное, раз в неделю.

Ей было пять лет, она смеялась во сне с самого рождения.

За исключением того времени, когда мы разводились. На этот год смех покинул ее сны.

Потом опять вернулся.

Я всегда думал, что это, должно быть, какая-то глубоко заложенная в ней радость. Радостное чувство, видимо, было где-то глубоко внутри нее, раз уж, несмотря на все, что ей пришлось пережить, оно так часто прорывалось во сне.

Мы перешли в гостиную.

Мама моих девочек – юрист, она работает в полиции с документами по делам о военных преступлениях. Все это под грифом «совершенно секретно», я почти никогда не спрашивал ее о вещах, имевших отношение к работе.

– Хочу проверить, не поможет ли Симону новая... это что-то вроде психотерапии, – сказал я. – В исследовательском центре при университете. Он находится к северу от Моэсгорда, у самого моря. Там кругом патрульные машины полиции. Это обычное дело для таких институтов?

Она протянула мне блокнот и карандаш. Я написал адрес.

В прихожей мы оба остановились.

– Если бы мы с тобой были знакомы в детстве, а потом 30 лет не виделись, ты бы меня узнала? – спросил я.

Она уверенно кивнула.

* * *

В следующую среду я был на месте за четверть часа до назначенного мне Лизой времени.

Она была не одна, вместе с ней подошли три молодых ассистента: парень и две девушки. Они помогли мне надеть зеленый халат, похожий на те, в каких оперируют хирурги, но этот был тяжелее. На голову мне надели шапочку из того же материала.

– Мы носим те же халаты, что и наши клиенты, – сказала она. – Электронное оборудование очень чувствительно. Халаты стерилизованы, и в них есть датчики, позволяющие внести в полученные данные изменения, связанные с появляющимися в организме сбоями.

В кабинет вошел пожилой мужчина. Лиза представила нас друг другу. Его звали Вильям. Я узнал поджарое, сильное тело, которое видел в тот раз в светящемся силуэте.

У меня было такое чувство, что она рассказала обо мне заранее, и он был не против моего присутствия.

На него надели халат, закрепили на запястье аппарат для измерения артериального давления, на руку натянули перчатку, в которой, видимо, были датчики, замерявшие влажность. Он сел в кресло, Лиза расположилась напротив него, мы с ассистентами сели поодаль, у стены.

Ставни, шторы, звуконепроницаемая стена – все плавно задвинулось.

Мы надели очки. Они почти ничего не весили.

На столике рядом с Лизой была клавиатура, она нажала на какие-то кнопки. Видимо, включила проектор: в третьем кресле, рядом с клиентом, стало сгущаться трехмерное изображение, словно существовавшее независимо от нас. Сначала чистое, голубое, затем к нему добавились другие результаты измерений, окрашенные всеми цветами радуги волны электрических колебаний в мозгу и подвижные электромагнитные поля.

Она задала вопрос, как он себя чувствует. Попросила сделать глубокий вдох. Со стороны это выглядело так, словно они оба были погружены в разговор с третьим собеседником – состоящим из света.

– Вы можете мысленно вернуться ко второму происшествию? – спросила она.

– Меня лягнула лошадь. У меня был небольшой опыт езды верхом, я немного понимал в лошадях. Не хотелось больше заниматься рыбной ловлей, после того первого несчастья, которое со мной приключилось. Поэтому я стал ухаживать за лошадьми. И вот в один из дней лошадь сбивает меня в стойле с ног ударом копыта. Это происходит, когда я расчесываю ее и обхожу ее сзади. Потом я ничего не помню. Пять дней лежу в коме, врачи уверены, что мне не выкарабкаться.

Светящаяся фигура окрасилась в серый цвет. Левая сторона сжалась.

Лиза обратила наше внимание на произошедшее изменение.

– Да, – продолжил мужчина, – теперь, всякий раз, когда я рассказываю об этом случае, я начинаю терять ощущение собственного тела.

– Вы что-нибудь помните из тех пяти дней?

Он смотрел прямо перед собой. Я заметил, как его взгляд становится пустым при попытке заглянуть в себя. Он покачал головой.

Она показала на светящуюся фигуру.

– Обратите внимание на цвета в затылочной области. Вы, как и я, уже видели это прежде. Стоит вам приблизиться к чему-то, о чем трудно или неприятно вспоминать, как появляется эта цветовая гамма. Например, когда в вашем рассказе до удара копытом остается секунда. Или вот теперь при упоминании комы.

Он посмотрел на голографическую фигуру. И одновременно с этим заглянул внутрь самого себя. В прошлое. И покачал головой.

– Я лежал без малейших признаков сознания. Хотя что-то есть... Что-то такое пробивается...

Он привстал. Стало понятно, что он сейчас сделает. Вцепится в светящийся силуэт и выбьет из него информацию. Он протянул руки, ладони пронзили свет проектора насквозь.

Это заставило его очнуться.

– На сегодня достаточно, – сказала она.

Он сел на место, она придвинулась к нему и положила ладонь ему на локоть.

Силуэт поблек и растаял, стало темно. Зажегся свет, понемногу становясь ярче, стена, шторы, ставни – все раздвинулось и вернулось на свои места.

– Пока не вставайте. Вам сейчас принесут попить.

Лиза поднялась со своего места, кивнув мне, чтобы я шел следом. Мы прошли в ее кабинет.

Она вскипятила в чайнике воду, из жестяной банки насыпала в две чашки зеленый порошок, залила его холодной водой, сверху горячей, какой-то штуковиной, похожей на помазок для бритья, взбила до появления зеленой пенки. Потом добавила еще воды, опять взбила и протянула мне чашку. Я знал, что это. Зеленый чай. Она уже протягивала мне чашку таким движением, я тогда попробовал этот чай впервые в жизни. Тридцать лет назад.

– Он вот-вот это нащупает... – сказала она. – Оно само вырвется на поверхность сознания, и довольно скоро.

Мы посмотрели друг на друга – сквозь пар, поднимающийся от чая.

– Мы с тобой ходили в один садик, – сказал я. – И мой брат Симон тоже. Детский сад при Карлсбергских пивоварнях в Вальбю.

Она сидела, не издавая ни звука. Я засомневался, расслышала ли она мои слова.

– Мы попали в аварию, – сказала она. – Когда мне было семь. Та, вторая машина выскочила с боковой улицы. Родители погибли. Я сидела на заднем сиденье. Я не помню ничего из того, что было до аварии. Все воспоминания первых семи лет жизни стерлись из памяти.

Я попытался представить себе, сколько всего она утратила. Но не смог. Это было все равно, что оказаться вдруг перед огромным темным континентом.

– Мы часто приходили к тебе в гости, – сказал я. – Мы с Симоном. А в садике играли вместе. Каждый день.

Потом мы снова погрузились в ожидание, оба. Она вертела в руках шкатулку из черного картона.

– Какими были мои мама с папой?

Я решил сказать правду.

– Про таких родителей думаешь, что хорошо бы они были твоими собственными. Все дети, приходившие к тебе в гости, об этом думали.

Она поставила чашку на стол.

– Вильям придет завтра, в то же самое время. Ты приедешь?

Это было ее условием. Если я хотел, чтобы она в конечном итоге помогла Симону, мне нужно было соглашаться на ее условия, не пытаясь выяснять подробности.

Я кивнул.

Найя Мария Айдт

Найя Мария Айдт родилась в Гренландии, выросла в Копенгагене. В 1991 году Айдт опубликовала первый сборник стихов «Пока я еще молода», а с 1993 года всецело посвятила себя литературному творчеству. В 1994 году писательница была удостоена трехлетней стипендии Датского фонда поддержки искусств. В 2008 году Айдт получила Литературную премию Северного совета (самую престижную премию, присуждаемую скандинавским писателям) за сборник рассказов 2006 года «Павиан», уже отмеченный премией Датских литературных критиков. Рассказ из этого сборника «Огромных деревьев зеленая мгла» вошел в антологию. В 2012 году был опубликован роман писательницы «Камень, ножницы, бумага», а в 2015-м – автобиографическая книга «Если смерть что-то забрала у тебя, верни это жизни обратно».

Огромных деревьев зеленая мгла

Утром во вторник выяснилось, что наступает осень. Прохлада в воздухе, которой не было. Морозящий дождь, перешедший потом в град. Но и золотистое солнце попеременно с ливнями, в лучах которого увядающие листья засветились, как медные. Сильный запах влажной земли и прелых листьев, я вдыхал его, совершая привычную утреннюю прогулку по знакомым дорожкам и тропинкам. Мной овладела смутная тоска. Я усиленно думал о смерти. Лето так быстро прошло, и кто знает, может, оно было последним. Потому что смерть медленно тащит меня куда-то. И мне приходится цепляться руками и ногами, чтобы не поддаться. Странно, необъяснимо, почему я, жаждущий жить так неистово, ощущаю в себе это сильное влечение. Я находился в зеленой тени огромных деревьев. На этот раз это были липы. Они всегда заставляют меня вздыхать. Я сунул в карман лист в форме сердца. Сел на землю, зарылся в почву руками и закрыл глаза. Что за сила неустанно гонит меня дальше и дальше по миру, внутрь которого я не в силах проникнуть? И который, однако, доставляет мне крайнее наслаждение, проникая в меня? Я долго так сидел, а дождь все шел, капли текли по моему лицу, и я пробовал их на вкус; я облизал перепачканные пальцы. После этого быстрым шагом направился к старому клену. Моему утешению, моему якорю. Облегченно заплакать и биться усталой головой о ствол. Листья бесшумно планируют вниз. Солнце пробивается сквозь тучи. На мгновение показалось, что все взаимосвязано, что все идет так, как ему и положено; я наблюдал за тенями, которые кроны деревьев отбрасывали на тропинку, видел, как ветер там, в вышине, приводит в движение листву, видел, как падает свет. Эта быстрая смена мерцающего солнечного света и густой темноты, и этот звук – легкое потрескивание, шорох и бормотание, такие успокаивающие; мое сердце действительно переполнилось и готово было излить себя через край.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.